

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

18+

Эли Фрей

#МОЙ
ЛУЧШИЙ ВРАГ

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

Annotation

В детстве он дарил мне конфеты, рисунки и улыбки. Он обожал свою маленькую подружку и никому не позволял обижать меня.

А потом я совершила один непростительный поступок.

Теперь того милого и доброго мальчика, с которым мы были так близки в детстве, больше нет. На его месте – злобное чудовище, не знающее ни любви, ни жалости. И он не успокоится, пока не отомстит и не уничтожит меня.

Это роман о трогательной дружбе двух подростков, о предательстве и бесчеловечной жестокости. История о борьбе двух противоположностей и бунте, который навсегда изменит их судьбы.

Эли Фрей

Мой лучший враг

Эту книгу я посвящаю родителям: Игорю и Наталье, моим замечательным маме и папе, и Светлане, моей дорогой свекрови.

*Зверек трусливый, робкий, кроткий,
Зачем играешь со мной в прятки?
Дрожишь, боясь моих нападков,
За шкурку жалкую свою.
Не трепещи.
Тебя лопаткой я не забудю.*

«Прежде чем вырыть яму, сначала распили эти чертовы решетки», – первая мысль, которая приходит мне в голову, когда я открываю глаза.

Белый потолок. И свет. Невыносимо яркий. Пойдите-ка... я открываю глаза... Или один глаз?.. В ужасе хватаюсь за лицо. На левом – повязка. Что за черт?

Я в больнице, это легко определить по запаху лекарств и хлорки. Что? Что Оно сделало с моим лицом? Меня охватывает паника. В голове – тысяча вопросов. Вернется ли зрение? Какую операцию мне сделали? Где все? Где врач? Я хочу, чтобы мне кто-нибудь что-нибудь объяснил!

На мне свободная пижама. Я узнаю ее. Очевидно, в больнице уже побывала бабушка и принесла мои вещи. Переодела меня. Делаю попытку встать. Провальная попытка. Но лежа я не вижу ничего, кроме потолка. Закрываю глаза, странное ощущение собственного тела, словно оно сделано из камня – тяжелое и не способное двигаться. Но это длится недолго, накатывает сильная боль. Болит все тело. Неприятно пульсирует левая рука. Я смотрю на нее. Два грубых неровных кружка бордового цвета красуются чуть выше запястья. Ожоги от сигарет. Я помню, откуда они. Я помню все. Помню, по чьей вине я оказалась в больнице. Хотя очень хочется забыть.

Во рту стоит мерзкий привкус тухлятины... Шарю рукой по сторонам. Что я ищу? Воду... в моем рюкзаке точно должна быть бутылка с водой. Но я не вижу своего рюкзака. Ощупываю гладкую поверхность тумбочки.

Расслабляюсь. Пытаюсь вспомнить последнее, что было до больницы, – я лежу на холодной земле, надо мной плавно качаются верхушки сосен. Тошнит. Колотится сердце. В животе взрываются урановые бомбы – стандартная реакция на алкоголь. Что в меня влили? Перед глазами мелькают две таблетки, которые Оно кинуло в бутылку, прежде чем заставило меня выпить это.

Открываю глаза. И снова белый потолок.

Это сделало Оно. Чудовище. Нечеловек.

«Я уничтожу тебя», – слова чудовища, сказанные мягким хриплым голосом, повторяются в голове снова и снова. Это были последние слова, которые я помню. А потом Оно бросило мне в лицо горящие угли.

Во рту сухо. Я провожу языком по шершавым губам и прислушиваюсь к своим ощущениям. Что со мной сделали? Изнасиловали? Что должно чувствоваться, когда лишаешься девственности? По рассказам – боль в животе и промежности. Но я ничего не чувствую. Я залезаю рукой под пижамой и провожу между ног. Никаких ощущений. Осматриваю руку – никакой крови. Ощупываю грудь. Она слегка ноет.

Я пытаюсь сесть. С третьей попытки мне это удастся. Осматриваюсь, в палате три больничные койки, две из которых заняты. На одной из них сидит женщина и читает книгу. Заметив, что я села, она встает.

– Я позову кого-нибудь, – говорит она и выходит из палаты. И возвращается в компании медсестры. И моей бабушки. И мамы. И отчима. Я заливаюсь краской – мне не очень-то приятно сейчас такое многочисленное общество. Но хорошо, что они не додумались взять с собой всех соседей.

Бабушка и мама кидаются ко мне.

– Тома, Томочка, с тобой все хорошо, – щебечут они и гладят меня по голове. Я отворачиваюсь. Мне почему-то противно смотреть на их обеспокоенные лица.

– Что? Что с моими глазами? – спрашиваю я и хватаюсь рукой за повязку. Голос выходит каким-то слабым и хриплым.

– Не беспокойся, с глазиком все в порядке. Небольшой ожог. Зрение не пострадало, – мамин голос срывается. Она вот-вот заплачет. Ее слова меня успокаивают. Я буду видеть. – Расскажи нам, что с тобой произошло? Мы решили, что на тебя кто-то напал, и... – мама смутилась. – И... Что он мог изнасиловать тебя. Поэтому, когда тебя привезли, то сразу же обследовали, а то мало ли... Но, слава богу, этого не случилось. Все хорошо...

Мама заливается слезами. Я отворачиваюсь от нее и смотрю на отчима.

«Какого хрена вы ее привезли? – спрашиваю я его взглядом. – Последнее, что мне сейчас нужно, – это смотреть на чужие слезы».

«Извини», – посылает он мне виноватый ответ глазами и пожимает плечами.

Я вздыхаю. Лучше бы вместо мамы привезли дедушку. Он бы развлекал меня своими шутками и историями. Видеть мамины слезы – невыносимо...

– Воды, – говорю я.

Мне тут же в руку вставляют стакан. Я осушаю его в два глотка. Но мерзкий привкус не исчезает. Во рту по-прежнему сухо, горячо и противно. Нужно придумать, что им ответить. Они все ждут мою историю. Кто на меня напал? Наверняка они уже сообщили в полицию. И в школу. И всем им придется что-то объяснить.

«Что угодно, только не правду, – говорит внутренний голос. – Нельзя признаваться, что это сделал Стас».

Тот самый Стас, с которым мы вместе пошли в первый класс. И сидели за одной партой. С которым мы вместе собирали землянику в лесу, а ясными вечерами, лежа на крыше моей терраски, открывали в небе новые Вселенные. Этот мальчик бывал у нас в гостях так часто, что уже успел стать для моих родных членом семьи.

– Я не знаю, кто на меня напал, – качаю я головой. – Я собиралась пойти гулять. Вышла из дома. Погода была хорошая, и я решила пройти через лес...

– Лес? – мама смотрит на меня испуганно. – Зачем тебя понесло в этот ужасный лес? Там одни маньяки! В прошлом году там девочку убили! – По маминым щекам текут слезы.

– Я просто хотела немного пройтись вдоль леса. Дошла до реки. А у реки была незнакомая компания. Их было человек пять... Одни парни. И у них был костер. Они подошли ко мне, что-то спросили. Я не помню, что я им ответила.

Мама опять взрывается рыданиями.

– Сколько можно тебе твердить? Нельзя разговаривать с незнакомыми!

– Оля, – резко обрывает ее дядя Костя, – дай ей закончить. Я продолжаю выдумывать на ходу историю, понимая, что она не выдерживает никакой критики, с импровизацией у меня

всегда было туго... Но я не могла сказать им правду.

– Они сначала показались мне довольно милыми. Спросили что-то, я что-то ответила. И хотела уйти, но...

Но – что? Я судорожно пытаюсь что-нибудь придумать. Но у меня не получается, и я начинаю всхлипывать. Родные думают, что это у меня от нервов. Что мне больно об этом говорить.

– Они напали, – с трудом произношу я, – а потом силой заставили выпить меня какую-то дрянь, чтобы я, наверное, отключилась...

Я замолкаю. Этот момент выглядит довольно неправдоподобно. Если бы кто-нибудь рассказал мне об этом, я подумала бы, что девочка познакомилась с парнями и напилась. А потом они утащили ее в лес и...

Но этот момент действительно был. Перед глазами до сих пор стоит картина. Стас кидает в бутылку две таблетки. «Выпьешь сама или силой залить?» Я отказалась. – «Нет? Я не буду заливать эту дрянь в тебя силой. Я дам тебе возможность выбрать. Ведь нельзя же лишать человека права выбора?» Он смотрел так по-доброму. В его голубых глазах читались забота и внимание. И он потушил сигарету о мою руку. Запах паленой кожи заглушил боль. «Ну. Выбирай: либо пьешь сама, либо получишь второй ожог». Я опять отказалась. И он потушил об меня второй окурок. «Подумай хорошо. Думаешь, мне нравится причинять тебе боль? Сделай правильный выбор. Это в твоих интересах. Думаю, ты не захочешь помнить о том, что мы с тобой сделаем. Поэтому просто выпей это. И попадешь на радугу. Ну, что выбираешь?» В его левой руке была бутылка с растворенными таблетками, в правой – еще одна зажженная сигарета. Я кивнула на бутылку. «Молодец. Правильный выбор. Нельзя лишать человека права выбора, не так ли? И помни. Это сделала ты, а не я. Я предлагал тебе пойти другим путем».

С трудом справляюсь с воспоминаниями и жестом показываю, что сегодня больше не могу об этом говорить.

– Все хорошо, дочка, – мама гладит меня по голове. – Они не успели ничего тебе сделать. Пара царапин... Отметины на руке... Ожог на глазике, но это ничего страшного. А что было в конце? Они отпустили тебя? Ты убежала?

– Я не помню, – вру я. Пусть думают, что потеря памяти у меня от шока. Когда они уйдут, я подумаю о своей истории и придумаю ей логичный конец.

– Мы обратимся в полицию. Этих ублюдков поймают, – мама обнимает меня и начинает качать, как маленькую.

Полиция? Нет! Ни за что. Но я ничего не говорю маме. Потом. Я скажу ей потом, что не буду писать заявление.

– Как долго я здесь лежу?

– Тебя привезли утром. Сейчас вечер, – отвечает бабушка.

– Ладно, родственнички. Больной нужен отдых, – недовольно говорит медсестра. – Вы и так ее замучили своими вопросами. Давайте-давайте по домам. Прощайтесь. А я пойду за капельницей...

– Капельница? – в ужасе говорю я. – Зачем?

– Не пугайся. Там витаминчики. Глюкоза. Промоем твою кровь от дряни. Тебе полегче станет, – она ободряюще улыбается и выходит из палаты.

Бабушка с мамой целуют меня. Говорят ласковые слова. Прощаются со мной. Дядя Костя хлопает меня по плечу.

– Мы придем завтра, не скучай, – говорит мама.

Они уходят из палаты. Я выдыхаю от облегчения. Не то чтобы меня прям уж сильно угнетало их общество, но сейчас... Сейчас мне нужно хорошо все обдумать. А для этого нужно уединение.

Входит медсестра. Она везет за собой капельницу. Эта штука сильно смахивает на вешалку для одежды. Наверху прикреплен стеклянный флакон с прозрачной жидкостью и еще какой-то пластиковый пакет. Она протирает мокрой ваткой сгиб локтя.

– А мне не будет больно?

– Как укус комарика, – говорит она.

Я смотрю, как иголка входит в кожу. Из пластикового мешочка к моей руке тянется тонкая трубочка. Где-то посередине трубочки находится маленький прозрачный цилиндр, из которого по капельке вниз стекает прозрачная жидкость. Почему-то цилиндр напоминает мне песочные часы.

– Когда здесь останется совсем чуть-чуть, – она показывает на цилиндр, – поверни колесико.

Я киваю. Она уходит. Я откидываюсь на подушку. Закрываю глаза. Мне нужно о многом подумать.

И снова будто чужой голос в голове сообщает мне: «Прежде чем вырыть яму, сначала распили эти чертовы решетки».

– Яма, – говорю я, но с губ срывается лишь слабый шепот. Мы обнаружили эту яму еще весной, когда убегали от Них. Она находилась в лесу, рядом валялись груды мусора, стояли заброшенные постройки. Что здесь было раньше? Чей-то дом? Больше походило на заброшенные склады или промзону. К этому месту вела асфальтовая дорога, вся разбитая и заросшая травой. Сюда никто не ездил очень много лет.

Яма была частично засыпана землей и обломками бетона. Сверху ее закрывала железная решетка. Толстые прутья решетки врезались в землю.

Яму я обнаружила случайно, когда бежала по промзоне: ботинок зацепился за решетку, и я полетела вперед, больно ударившись носом о землю. Я вернулась назад и посмотрела, обо что же я споткнулась. Села на корточки. Потрогала железные прутья. В голове вертелись странные мысли.

Из кустов вынырнул Ромка – еще одна Их жертва. Где-то в глубине леса должны прятаться Серега и Антон. Вместе мы составляем чудесную команду. Все жертвы Стаса и его чудовищной компании объединились в клуб. Клуб ущербных и убогих.

И все вместе мы бежали от Них. За время, проведенное вместе, у нас образовалась довольно слаженная команда. Мы научились многим вещам: как правильно убегать, как стать невидимкой, как слиться со стеной, как отключить мозг, пока тебе причиняют боль. Последний пункт – самый сложный. Каждый справлялся с этим по-своему. Отключаться от боли меня научил Серега. Когда Стас выбил ему передний зуб и спалил кожу на боку, он сказал, что ему было не больно, потому что он отключил свою голову.

– Как? – спросила я его. Когда Стас причинял мне боль, я не могла думать ни о чем, кроме боли.

Слова режут острее ножа. Эту поговорку придумали ванильные людишки, которые никогда по-настоящему не сталкивались с болью. Они знают, что такое разбитое сердце, но даже не подозревают о том, что такое разбитый нос. А ведь разбитый нос куда хуже. Нет ничего хуже физической боли. Никакие моральные страдания не сравнятся с физическими. Такая боль пронзает твоё тело насквозь, ослепляя и оглушая. С твоим телом происходят изменения. Температура может подскочить до сорока градусов и тут же упасть до тридцати пяти. По всему телу выступает пот. Ты кричишь, но не слышишь себя, потому что оглох. И потому что от боли ты вдруг разучился говорить. Когда тебе жгут кожу, ты извиваешься, как червяк. Железная рука боли сдавливает словно тисками твои легкие. Ты не можешь дышать. Все твои чувства вдруг обрываются, ты ощущаешь только жгучую боль. И слышишь смех. Их смех. Они питаются твоей болью, наслаждаются, поглощая ее из тебя.

– Нужно считать, – ответил Серега. – Про себя. Раз-два-три... Обычно все заканчивается, когда я дохожу до восьмидесяти. Но один раз я дошел до двухсот пятидесяти... Если тебе не подходит счет, то можно просто думать о приятном.

– О приятном? – переспросила я его.

– Да. О приятном. Я обычно думаю о белках. Белки – они вроде приятные.

Я хихикнула. Сереге все время удавалось выжать из меня улыбку или смех, даже в тех случаях, когда это было невозможно. Например, в тот раз, когда он рассказывал мне о белках, мне было совершенно не до смеха. За день до этого Стас пытался утопить меня под струей обжигающе горячей воды, и ожоги на лице неприятно пульсировали. Мне нужно было

настроить свой мозг так, чтобы не думать о боли, и я обратилась за помощью к Сереге.

Они «любят» Серегу больше всех. Может быть, потому что он самый младший из нас. Ему только тринадцать. А может быть, им не нравится его улыбка до ушей. Теперь его улыбка особенно красива – не хватает переднего зуба. После того как Стас ткнул его лицом в бетонную плиту, Серега выплюнул кровавый сгусток вместе с зубом. А потом улыбался нам дырявой кровавой улыбкой. Он ничуть не огорчился, а, наоборот, был очень рад дырке. Он научился круто плевать и мастерски свистеть.

Я сидела на корточках и изучала решетку. Рома тоже опустился на корточки. Наши глаза встретились.

– Ты думаешь о том же, о чем и я? – тихо спросила я.

Его глаза округлились от ужаса. Я поняла, что мы думали об одном и том же.

Но Рома резко вскочил на ноги.

– Нет. Я ни о чем не думаю, – выкрикнул Рома, резко вскочив. – Побежали отсюда, они могут появиться в любую секунду...

И мы побежали. Я свернула вправо, Рома – влево. Мы всегда разбегались в разные стороны. Так нас было труднее поймать.

Много раз после этого я возвращалась к мыслям о Яме. Именно так. С большой буквы. Яма стала для нас чем-то нарицательным.

Как-то мы пришли к Яме снова. Она притягивала нас как магнит. Мы с Ромой сидели у ее края. Смотрели на железные решетки. На строительный мусор в Яме.

– Она могла бы стать идеальной ловушкой, – тихо сказала я. Рома не ответил.

– Мы могли бы обрести свободу. Мы могли бы научиться дышать полной грудью. Нам прекратили бы сниться кошмары. Губы и веки перестали бы подергиваться. Руки – дрожать. Мы стали бы обычными людьми.

Рома лишь покачал головой, усмехнувшись.

– Красиво говоришь... Напиши стих.

Но я видела, что Яма притягивает его точно так же, как и меня.

Но... Эти слова оставались простыми словами, а Яма – обычной ямой. И мы стали жить своей обычной жизнью. Жизнь короткими перебежками. Жизнь на войне.

И сейчас чужой голос в голове напоминает мне о яме. Он говорит, что у нас есть выход. Что мы можем стать свободными.

Я смотрю, как из цилиндрика в трубку попадают последние миллилитры жидкости. Поворачиваю колесико.

Медсестра резким движением вытаскивает из меня иголку, грустные воспоминания овладевают мной, я даже не замечаю ее появления.

– Тебе нужно поспать, – говорит она.

– Когда мне снимут повязку? – спрашиваю я. Мне не терпится узнать, как теперь выглядит мое лицо.

– Через пару дней, – отвечает она.

Когда она уходит, закрываю глаза. Но сон не идет. В голове возникают и исчезают воспоминания – о моей семье, о моем детстве. О Стасе.

Все воспоминания необыкновенно яркие. Они вспыхивают друг за другом, загораются подобно лампочкам на елочной гирлянде.

Несмотря на крепкую дружбу, в детстве мы часто ненавидели друг друга.

«Хоть бы в пачке “Скиттлс” ему попалась апельсиновая, самая невкусная, конфетка. И чтобы он не вытащил ни одной виноградной» – это считалось самым худшим проклятием, которое мы могли обрушить друг на друга в то время.

А теперь мы желаем друг другу смерти.

Как сильно могут изменяться люди. И их отношение друг к другу.

Мой папа всегда хотел сына. Так я стала думать года в четыре. Мы были счастливой полноценной семьей. Я, мама, папа. А если прибавить к этому еще и бабушку с дедушкой, то сверхполноценной. Папу я любила больше всех. Может быть, потому, что он разрешал есть перед сном шоколад. А может быть, по совсем другим причинам.

Двухкомнатная квартира в Москве. Четырнадцатый этаж. Здесь мы жили с родителями. А бабушка с дедушкой жили в небольшом подмосковном городке в частном доме в часе езды от нас. Мы приезжали к ним на выходные.

Мама с папой познакомились в институте. В двадцать лет они поженились, и вскоре появилась я. Родители так и не окончили институт. Мама ушла в декрет, а папа, чтобы прокормить семью, устроился в магазин и стал торговать компьютерами. Сейчас мамина работа связана с финансами. Кем сейчас работает папа и как он вообще живет – не знаю. И не хочу знать. Бабушка печет торты на заказ. У нее дома всегда пахнет ванилью и карамелью. Дедушка работает охранником при коттеджном поселке.

В четыре года мама стала спихивать меня бабушке на лето, а бабушка, в свою очередь, стала выпихивать меня во двор, чтобы я играла с другими детьми. В первый раз я пошла на детскую площадку возле дома. Вытащила игрушки – машинку, самолетик и гигантского робота-трансформера. Я смотрела на игрушки мальчишек и девчонок и поняла, что все это время у меня были мальчишеские игрушки. Девочки презрительно морщили носики. Они почти хором сообщили мне, что не будут со мной играть, пока я не вынесу на улицу свою куклу. А дело в том, что куклы у меня и не было. Мама потом рассказывала, что куклы просто не вызывали у меня никакого интереса. Мне нравилось то, что можно разобрать и что можно заставить двигаться. Но тогда, во время девчачьего конфликта, я серьезно перепугалась. Я не понимала, почему родители покупали мне игрушки для мальчиков, и додумала сама: родители очень хотели сына, а у них получилась дочка. Эта мысль настолько прочно засела в голову, что еще долгое время я специально не заглядывала в магазине на игрушки для девочек. Мне не хотелось расстраивать родителей. Я делала все, чтобы быть похожей на мальчишку... и чтобы мама с папой не выкинули меня на помойку за ненужность. Я носила мальчишеские комбинезоны, упрашивала маму с бабушкой стричь меня как можно короче, отпихивала прочь кукол и платья.

С девочками подружиться так и не удалось. Зато в дружбе с мальчишками я преуспела. В то первое долгое лето у бабушки я познакомилась со Стасом – он был одним из мальчишек нашей улицы. Сначала я не выделяла его среди остальных. Позже, через год или два, он стал моим лучшим другом.

Я презирала девчачьи вещи, чтобы не расстраивать маму с папой. Но от единственного девчачьего пристрастия мне так и не удалось отказаться – любви к сказкам. Сказки прочно засели в мою голову, создав целый сказочный мир с драконами и принцессами.

Именно из-за любви к сказкам я научилась читать очень рано. Мне было стыдно просить папу почитать мне Белоснежку или Спящую Красавицу – а то папа вдруг решит, что им не нужна такая дочка, да и выкинет меня. Поэтому сказки я читала сама. Но мне все равно безумно нравилось, когда читал папа. Я с удовольствием слушала его книжки – про домовенка Кузю, дядю Федора, Эмиля из Лённеберги, Винни-Пуха. Папа читал мне много, но я отбирала только те книги, которые, по моему мнению, больше годились для мальчиков.

Когда я была совсем маленькой, у меня был странный режим дня – я любила вставать рано утром, часа в четыре. И мне обязательно нужно было, чтобы рядом кто-то был. Мама категорически отказывалась вставать в такую рань, и приходилось папе. В это время со мной нужно было гулять или играть. И сонный папа добросовестно играл со мной. И гулял. Наверное, мы странно смотрелись на улице – четыре утра, папа ведет дочку за руку. Куда они идут? Зачем? Что за непутевый папаша! У приличных родителей дети спят в такое время!

Мы с папой строили замки из кубиков, играли в железную дорогу. И запускали в ванной лодку на радиоуправлении.

На улице он подхватывал меня на руки и подбрасывал высоко в небо. Папа был очень высокий, я закрывала глаза и представляла себя ракетой, которую запускают в космос. А когда открывала глаза, то сердце замирало от страха – настолько я была высоко.

У папы в кабинете был большой глобус. Я обожала этот глобус. Часто вечерами папа усаживал меня к себе на колени, я прижималась к нему, вдыхая запах сигарет и пены после бритья, гладила его гладко выбритые щеки. А он показывал мне на карте разные места, называл разные страны, моря и океаны.

– Покажи мне, что там, под нами, – попросила я папу и посмотрела себе под ноги. Этот вопрос меня всегда интересовал: а что если земля под нами вдруг разойдется и мы провалимся? И выйдем на другую сторону земли. Куда мы попадем?

Папа указал на глобус.

– Вот тут мы живем, а тут, – он показал на обратную сторону, – Тихий океан.

– Океан... – восторженно прошептала я, глядя на ярко-синюю область. Значит, если мы провалимся под землю, то попадем в океан. Но я не умела плавать! Как же мне быть?

И в то лето я просила папу научить меня плавать. Я уже умела плавать с надувными нарукавниками – но ведь они не всегда со мной, а земля может разойтись под нами в любую секунду, и что я буду делать в Тихом океане без нарукавников? Я так перепугалась, что еще несколько дней разгуливала по дому в нарукавниках, чем очень веселила родителей. В то лето плавать без поддержки я так и не научилась, хотя папа был хорошим учителем. А я старалась быть хорошей ученицей.

Папа все время засматривался на соседских мальчишек. Он наблюдал за тем, как они играют в футбол, как носятся по улице, колотят друг дружку. Каждый раз, проходя мимо них, он говорил им что-нибудь забавное. Ласково трепал кого-нибудь за щеку, угощал мальчишек яблоками и конфетами.

Во мне кипела ревность. Я просила папу научить меня играть в футбол, но он говорил: «Как-нибудь потом». Но я видела, как блестят его глаза, когда он видит играющих во дворе мальчишек.

Я делала все, чтобы быть похожей на мальчишку. Просила маму покупать мне футболки не с пони и Барби, а с человеком-пауком и машинками. Я тайком залезала к папе в шкаф и надевала его костюмы. Черным фломастером рисовала себе усы. А потом вбегала в гостиную, где сидели родители, и бодро выкрикивала, что я не Тома, а Мистер-Твистер.

Родители смеялись до упаду.

Но все это не помогло. Когда мне было шесть лет, папа бросил нас с мамой. Просто собрал свои вещи и ушел в неизвестном направлении. Я ждала, что он вернется. Много вечеров просидела у окна, вглядываясь в дорогу, вздрагивая каждый раз, когда кто-то проходил мимо. Может быть, это папа? И папа все-таки появился, спустя месяц или два. Пришел забрать оставшиеся вещи. Он молча сунул мне пачку мармеладок, собрал сумки и ушел. Уже навсегда.

Я ела по одной мармеладке в день. Мне казалось, что пока мармеладки не кончились, папа все еще рядом. А мармеладки – это последняя ниточка, которая связывает меня с ним. Под конец мне пришлось давиться каменными мармеладками. Но папа так и не появился. Я бережно сложила пустую яркую обертку и положила ее под подушку. Мне казалось, что таким образом мне все-таки удастся держать «кусочек папы» при себе.

Я выдумывала разные причины, пыталась поверить в них и как-то оправдать папино поведение. В шесть лет я верила, что мой папа – добрый волшебник, который улетел в Волшебную страну, чтобы избавить ее жителей от злой волшебницы. В десять лет я верила, что мой папа – агент суперсекретной спецслужбы, и ему дали ответственное секретное задание, и от его решения зависит судьба всего мира. В двенадцать, когда я уже более-менее стала разбираться в отношениях между мужчиной и женщиной, я наконец-то поняла, что мой папа – обыкновенный козел. И когда я это осознала, цветная обертка из-под мармеладок была безжалостно уничтожена.

Моя мама недолго оставалась одна. Вскоре после ухода папы у мамы появился дядя Костя. Дядя Костя – полная противоположность папе. Невысокий и крепкий, с пышными усами и огромным носом-картошкой, он сразу мне понравился. Мы очень подружились. Дядя Костя стал мне другом, но отцом – у него так и не получилось, правда, он и не пытался.

В нашей московской квартире окна моей комнаты выходили во двор-колодец. Мне разрешали играть только во дворе. Бетонная площадка с одиноким баскетбольным кольцом, парковка, пара детских горок да одно-единственное дерево – вот что составляло мой детский мир.

Все поменялось, когда мама стала отсылать меня к бабушке. Маленький городок в часе езды на машине – и ты попадаешь будто в другую Вселенную. Деревянный дом, выкрашенный голубой краской, с белыми резными узорами на окнах. Сад – череда грядок, ржавых баков и садовых инструментов. В центре луковой грядки – красная ветряная вертушка.

Обычно родители привозили меня к бабушке только на лето и на выходные. Но когда мне исполнилось шесть, перед мамой встала серьезная проблема. В какую школу меня отдать? Как меня из нее забирать, если мама сутками пропадает на работе? И она решила, что лучше бы мне совсем переехать к бабушке и пойти учиться в местную школу. Там воздух лучше, чище, да и интереснее и безопаснее ребенку будет в частном доме на своем огороде.

Я была только рада переехать к бабушке совсем, ведь здесь жил Стас. С сентября по май я мечтала о том, чтобы побыстрее наступило лето! Ведь летом мы со Стасом могли играть целыми днями. А теперь я буду с ним круглый год!

И вот мама перевезла меня к бабушке со всеми моими вещами. Начиналось последнее предшкольное лето. Я стояла перед бабушкиным домом, смотрела на деревянные стены, выкрашенные яркой голубой краской, и на белые ажурные рамы на окнах. Я думала только о том, как скажу Стасу потрясающую новость: что я теперь всегда буду жить здесь, а осенью

мы вместе пойдём в одну школу и будем сидеть за одной партой. И теперь мы будем всегда-всегда вместе. Мы будем мечтать и строить планы. Как мы вместе будем выбирать школьные рюкзаки, вместе ходить в школу, как будем проводить каникулы, праздники. Куда поедём. Все это мы будем тщательно продумывать и записывать в специальную тетрадь.

И никто не знал, что наше «вместе» кончится ровно через шесть лет.

Дядя Костя открыл дверь машины. Я вышла из нее, крепко сжимая в руках клетку с моим питомцем – кроликом Умкой. Посмотрела на дом моей бабушки, который с этого дня должен был стать и моим домом. Он был похож на пряничный домик – белые резные наличники на окнах делали его каким-то воздушным и сказочным.

Я прошла в дом, по дороге вырвав морковку с грядки. Поднялась по лестнице на второй этаж. Здесь, под самой крышей, была моя комната. Я поставила клетку на пол, открыла дверцу. Протянула Умке угощение.

– Ну что, Умочка? – ласково обратилась я к питомцу. – Теперь это наш дом. Мы всегда будем здесь жить. Ты рада?

Кролик смешно дергал ушами и часто-часто двигал челюстями – грыз морковку.

В комнате пахло деревом – стены и наклонный потолок были обиты деревянными панелями. Я любила эту комнату гораздо больше, чем комнату в московской квартире. Под каждой деревяшкой, в каждом углу, в каждой маленькой щелке здесь теплилось волшебство.

Вскоре вошел дядя Костя. Он поставил на пол чемодан и тяжело выдохнул.

– Уф! – пробормотал он. – Ну и тяжесть! Томка, ты вроде такая маленькая, а барахла больше, чем у мамки!

Я засмеялась. Кокетливо дернула плечом и, подражая маме, ответила:

– Ну, мы же женщины. Имеем право. Тут уже засмеялся дядя Костя.

– Женщины! А мне потом мучайся с большой спиной!

– Дядя Костя, спортом надо заниматься! – я осуждающе посмотрела на его большой живот.

Он подтянул штаны. Провел пальцем по пышным усам.

– Надо-надо, да только лень. Ладно, ты давай разбирай тут вещи, а я пойду водицы хлебну.

Я стала не спеша разбирать одежду. Перекладывала в комод футболки и шорты. Вешала в шкаф свитера и кофты. Потом подошла к окну. Отдернула занавески. Окно выходило на крышу терраски. Я перелезла через подоконник. Прошла по крыше. Посмотрела вдаль улицы. Желтая проселочная дорога. Черда одноэтажных домов и высоких деревьев. Где-то там, через несколько домов, находился дом Стаса. Отсюда был виден кусочек его кирпичного коттеджа. И окно в его комнату. По ночам мы часто дурачились – сидя каждый в своей комнате, перемигивались светом от люстры или фонариками.

Я услышала, что кто-то на улице кричит мое имя. Сердце замерло.

Крыша терраски располагалась со стороны сада, и не получалось разглядеть, кто же стоит у калитки. Но я ни секунду не сомневалась – кричал Стас. Его звонкий детский голос я бы узнала из тысячи других. Я бросилась на улицу, стора от нетерпения рассказать Стасу потрясающую новость. Открыла калитку. И увидела его. Своего любимого мальчишку. Он улыбался самой красивой улыбкой на свете. Белесые волосы растрепаны. Огромные голубые глаза излучали добро.

– Стас! Стас! – закричала я и кинулась к нему. – У меня такая новость! Ты сейчас обалдеешь! – Эту фразу, «ты сейчас обалдеешь», я подцепила из маминого лексикона. Она часто начинала так свои разговоры с дядей Костей. В последний раз, после того как она сказала ему «ты сейчас обалдеешь», последовала захватывающая история о том, как Танька с

ее работы выгнала мужа из дома. – Представляешь, мама перевезла меня сюда! Насовсем! Я теперь буду здесь всегда жить! Не только летом и на выходных, а всегда! Представляешь!

Он очень обрадовался моему переезду. Мы пошли вдоль улицы. По дороге болтали о будущих планах.

– Мы пойдем вместе в школу, а потом будем вместе отмечать мой день рождения, а потом мы будем вместе справлять Новый год... – перечислял Стас. – А потом... Хм. А что будет дальше Нового года?

Я пожала плечами. Я не знала, что будет дальше Нового года – до него ведь так далеко... Впереди нас ждало лето, самое счастливое лето в моей жизни, и оно будет длиться целую вечность.

Начались наши веселые беззаботные деньки. Стас часто приходил ко мне в огород – овощные грядки, ржавые баки и всякий садовый инвентарь казались нам прекрасным фоном для многих игр. Мы выбирали самый огромный бак. Залезали в него, ставили в центр палку с привязанными к ней бабушкиными панталонами (это был наш флаг), смотрели в бумажную подзорную трубу на морковные грядки и кричали:

– Вижу землю! Право руля!

Бабушка страшно ругалась на нас за развешенные панталоны. Но из них получался чертовски клевый флаг! Огромные, желтые, они гордо развевались на ветру и были главным аксессуаром нашего корабля.

Дома мы играли в «рыбу» – ловили на самодельные удочки всякие вещи и клали их в тазики. Кто наловит больше рыбы – тот и выиграл. Еще мы со Стасом часто раскидывали прямо в огороде палатку, таскали туда съестные припасы, подушки и фонарики. Часто ходили в гости к Стасу. У него дома играли в разные игры на приставке, а потом на улице рисовали на дороге всякие маршруты из игры и бегали по ним, придумывая свои приключения.

Любимая игра Стаса была «Мортал комбат». Я не очень любила игры, где надо было драться, но раз Стас ее любил, мне тоже приходилось. Он всегда был Саб-Зиро. Я могла играть за Мелену или Китану, но девчачьи роли я терпеть не могла. И я стала Скорпионом.

Мы делали себе прикольные костюмы. В играх я обожала драматические истории героев, любила выдумывать костюмы и делать оружие. Из собачьей цепи и металлической пластинки я даже сделала себе кунай, как у героя.

Скорпион и Саб-Зиро. Огонь и холод. Змея и лед.

Помимо «Мортал комбат» мы играли в сказки. Любили играть в Робин Гуда. Я, конечно, была Робин Гудом, а Стас – Большим Джоном. Логично было предположить, что он сам станет Робин Гудом, а я девицей Мэриан, но я упорно отказывалась от женских ролей. Мы даже подрались с ним тогда в первый раз. И я победила, став Робин Гудом. А Стасу досталась второстепенная роль Большого Джона. Крольчиха Умка была нашей принцессой. Я склеила корону из бумаги, водрузив ее на голову крольчихи.

Деревянная площадка на дереве была замком Ноттингем. На площадку мы помещали мешочки с мелочью. Мы грабили Ноттингем и раздавали мешочки близлежащим кустам. Кусты у нас были домами бедняков.

Специально для игры в Робин Гуда я сшила себе зеленую шляпку. Стас тоже хотел такую, но я сказала, что это отличительный знак Робин Гуда. Тогда Стас на меня здорово обиделся.

Мы любили забираться куда-нибудь высоко – облазили все деревья в округе, излазили сверху донизу и старый сломанный грузовик, который стоял у дома наших соседей, по-

моему, с самого моего рождения. Мы прыгали по гаражам соседей слева и по наваленной гряде бетонных блоков соседей справа. Мы часто падали и разбивали коленки.

Стас переносил боль хуже меня, плакал тогда, когда я не плакала, но я никогда не смеялась над ним из-за этого. Когда он падал и разбивал в кровь коленку или локоть, я садилась перед ним, срывала подорожник, пела ему песенку про котенка и паровозик, заставляла его подпевать мне, чтобы отвлечь от боли, и лепила лист подорожника на ранку.

Стас успокаивался. С удивлением смотрел на залепленную листом рану.

– Совсем не щиплет! – удивлялся он.

– Ну так это же я тебя отремонтировала! У меня никогда не будет щипать! – гордо улыбалась я.

Мы часто уходили ко мне. Подолгу лежали на крыше терраски и смотрели в небо.

Днем наблюдали за пролетающими облаками.

– О чем ты думаешь? – как-то спросила я Стаса, когда мы лежали на крыше.

– О том, что вон то облако похоже на огромного муравья. Видишь?

– Нет, ничего не вижу! – ответила я.

– А вон то, рядом, на паука с мордой обезьяны.

– Хм. Скорее на какую-то палку.

– И они как бы дерутся. У них злые лица. Интересно, если они на самом деле будут драться, кто победит?

– Не знаю.

– Нет, ну ты как думаешь?

– Не знаю, мне как-то странно об этом думать.

– Мне кажется, муравей.

– Почему?

– Просто мне так кажется.

Я не видела в облаках ни муравья, ни обезьяноподобного паука. У меня никак не получалось представить, что облако может быть на кого-то или что-то похоже. А Стас все время видел в облаках столько всего: драконов, динозавров, горилл и годзилл...

А ясными вечерами мы искали в небе созвездия. Стас по знаку зодиака – Стрелец, и я учила его, как быстро находить в небе созвездие Стрельца. Мы обсуждали созвездия и ели конфетки. Конфетки с разными фруктовыми вкусами мы покупали в палатке у дома. За фиолетовый кругляшок со вкусом винограда у нас со Стасом часто велись нешуточные бои. Но иногда все-таки Стас, видя, что осталась только одна виноградная, по-джентльменски уступал ее мне.

Когда становилось совсем холодно, мы забирались в дом. Играли с Умкой. Стас очень любил Умку, всегда приходил в гости с чем-нибудь вкусеньким для нее. Он открывал дверцу и доставал зверька. Умка обычно не любила чужих, начинала странно фыркать и чихать, но Стасу она доверяла. Он доставал из кармана яблоко или морковку. Откусывал кусочки и протягивал их Умке. Умка тянула к угощению свою смешную мордочку, обнюхивала еду, потом начинала есть. Мы гладили ее по серой шерстке.

Мы очень любили рисовать. Рисовали разных животных, героев из игр и мультфильмов. В голове отчетливо вспыхнуло воспоминание одного из наших творческих вечеров. Мы сели за стол, я достала бумагу и фломастеры, хитро посмотрев на Стаса.

– Ты чего? – нахмурился он.

Ох и не любил он этот мой взгляд! Он все время ворчал, что когда я так на него смотрю,

значит, у меня есть какая-то тайна, а он чувствует себя дурачком, которому эта тайна неизвестна.

Я улыбнулась, закрыв губы ладошкой. Потом сжала кулачок и убрала его в карман кофты.

– Я брошу улыбку тебе в окошко, когда тебе будет пора уходить. Чтобы ты не скучал по дороге. Поймаешь?

Он кивнул.

– А что ты кинешь мне взамен? – спросила я.

– Поцелуй? – растерянно спросил Стас.

– Фу, девчачьи нежности. Не подойдет. Думай. Он захихикал в кулачок. И также убрал в карман.

– Я брошу тебе смех!

Я удовлетворенно улыбнулась. Он спросил:

– Что мы будем рисовать? Я задумалась.

– Я нарисую тебе улыбку, а ты мне – смех!

– Но это же нечестно! – возмутился Стас. – Улыбку рисовать гораздо проще. Как я нарисую смех?

– А я нарисую не такую улыбку. Я нарисую сложную.

– Ну ладно...

Мы сели за стол и стали рисовать. Я нарисовала водопад из множества капелек, а в каждой капельке было улыбающееся лицо.

Стас первый протянул мне свой рисунок. Он нарисовал рот, из которого вылетают маленькие птички, крендельки и сахарная вата, карамельки, маленькие котята, облака, радуга и разноцветные бабочки. Художник из него был так себе, глядя на рисунок, можно было подумать, что невидимому человеку плохо и его рвет бабочками, птичками и карамельками. Но рисунок мне очень понравился, и я протянула ему свой.

– Это водопад, – недовольно сказал он, – где же тут улыбка?

– А ты смотри внимательно! – улыбнулась я.

И он увидел лица в капельках. И восторженно сказал:

– Ого! Улыбки! Очень круто, спасибо!

Мы обменялись рисунками. Время было уже позднее, и Стасу пора было домой.

– Не забудь, – сказала я на пороге, провожая его, постучав по своему карману, – поймать мою улыбку!

– А ты поймай мой смех! – постучал Стас по своему карману.

Я побежала на второй этаж. Одну половину второго этажа занимала моя комната, вторую – чердак. Я пробиралась через старую мебель, кастрюли и цветочные горшки. Еле-еле открыла окно. Вдохнула вкусный вечерний воздух.

Стас встал прямо под фонарь, чтобы я видела его.

– Я здесь! – крикнул он.

Я засунула руку в карман и вытащила кулачок.

– Ты готов?

– Готов! Ловлю!

И я бросила ему невидимую улыбку. Он ловко «поймал» ее рукой и налепил себе на рот. Улыбнулся широко-широко.

– Теперь лови мой смех! Он бросил мне смех.

Я поймала его, открыла рот, бросила смех туда, как следует разжевала и проглотила. Потом засмеялась.

– До завтра! – помахала я ему.

– До завтра! – улыбнулся он и пошел вдоль улицы. В своей комнате на подушке я нашла записку.

Я сразу узнала почерк Стаса. Большие корявые буквы заваливались влево, а не вправо, как у всех.

В ОКОШКО – УЛЫБКУ, А ИЗ ОКОШКА – СМЕХ!

Я улыбнулась. Когда он успел написать ее и подсунуть мне? Я не заметила.

Это записка много лет хранилась у меня. Сложенный в четыре раза лист бумаги хранится в отдельном файлике. Я долго не могла расстаться с ней. Пока записка хранилась у меня, я просто не могла поверить, что того мальчика, который был частью моей Вселенной, больше нет.

Кто-то трясет меня за плечо – моя соседка по палате. Та женщина с книгой. Она улыбается.

– Просыпайся! Медсестра сказала тебе сдать мочу. И кровь. Натощак.

Я поежилась. В больнице я лежала один-единственный раз. С почками. Это было полгода назад. А ощущение, как будто это было только вчера. Только в тот раз я лежала в детской больнице, в отделении урологии. Сейчас меня поместили во взрослую, в отделение травматологии, смежное с урологией – в палате лежат пациенты обоих отделений.

Я иду в процедурную. Медсестра занимается моим глазом – отодвигает повязку, потом поправляет обратно.

– Можно хоть посмотреть? – спрашиваю я.

– Сейчас рано, – она качает головой. – Но у меня для тебя хорошая новость. После обеда тебя посмотрит врач, возможно, снимет уже насовсем.

Я выдыхаю от облегчения. Залепленный глаз меня изрядно напрягает.

– Зачем вообще залеплять ожог? – спрашиваю я. – Только хуже ведь...

– Пластырь не соприкасается с поврежденной кожей. Заклеили то, что вокруг, чтобы инфекция не попадала. Создали воздушную подушку, чтобы подсыхал.

Я киваю.

– А зачем сдавать кровь и мочу? – недовольно морщусь я, когда она втыкает в меня иголку. – Ведь со мной же все в порядке.

– Никто не знает, сколько ты пролежала в лесу, на сырой земле. Может быть, ты простудилась. Нужно понять, нет ли воспаления.

Чувствую я себя не очень хорошо – знобит. Наверное, я все-таки простудилась. Сколько я пролежала в лесу? Кто меня нашел? Последнее, что я помню, лицо Стаса. Что же все-таки он сделал со мной?

«Думаю, ты не захочешь помнить о том, что мы с тобой сделаем. Поэтому просто выпей это».

Потом горящие угли. Его голос: «Я уничтожу тебя». И больше ничего... Он бросил меня там, в лесу? А потом меня нашел какой-нибудь случайно проходивший мимо грибник? Надо спросить у родных о моем чудесном спасении.

Я возвращаюсь в палату. У меня две соседки. Женщина, с которой я немного успела пообщаться, и девушка чуть постарше меня.

Раздается звон колокольчика. Полгода назад, когда я лежала в больнице, я слышала точно такой же колокольчик. Так зазывают на завтрак.

Я выхожу в коридор, держа в руках тарелку и чашку. В конце коридора очередь. Толстая женщина в белом чепчике охраняет телегу, на которой стоят два ведра. Каждый подходит к ней, она плюхает в тарелку кашу, сверху кидает кусок масла. В кружку наливает чай.

Я дожидаюсь своей очереди и иду в палату. Мысленно сравниваю две больницы. В прошлый раз моя палата располагалась рядом со столовой и я завтракала за столом. Сейчас я сажусь на свою кровать, ставлю посуду на тумбочку.

Мои соседки разговаривают друг с другом, а я молча ем кашу. Мне не хочется с ними общаться. После завтрака я немного оживляюсь. Беру в руки телефон – тридцать шесть пропущенных вызовов. Двадцать пять из них – от моих мальчишек.

Я пишу им, что со мной все хорошо и чтобы не волновались за меня. Отправляю сообщения, ложусь на кровать. И погружаюсь в свои мысли. Думаю о том, чем можно отпилить эти чертовы решетки. Мне нужна эта Яма. Я хочу похоронить этого ублюдка.

Утром меня разбудила Умка, которая ходила по мне лапами. Стоп! Умка? Она должна быть в клетке! Я разлепила глаза и увидела перед собой Стаса. Это он положил Умку на меня. Крольчиха легонько стучала лапками по одеялу. Стаса, наверное, впустила бабушка. Я замычала и зарылась с головой под одеяло. Стас завозмущался.

– Ну уж нет! Вставай, Спящая красавица!

– Сколько времени?

– Время смотреть фильм! Побежали ко мне завтракать! У меня такой фильм есть, обалдеешь!

– А какой?

– Про привидения.

– Пойдем. – Я спрыгнула с кровати. Фильмы про привидения я обожала. – Только давай сначала в магазин забежим быстренько, бабушка еще что-то вчера просила купить, а я забыла.

Мы со Стасом были заядлыми киноманами. Фильмы мы смотрели почти каждый день. Вечером, когда темнело, мы уходили к нему, ложились на пол в его комнате и смотрели фильм на огромном-преогромном экране. Конечно, на самом деле экран был обычный, средних размеров, но у нас с бабушкой был только старый пузатый телевизор, и все современные модели казались мне настоящими кинотеатрами.

В магазине, еле-еле дотянувшись до прилавка, я протянула продавщице деньги и взяла продукты. Стас стоял рядом и смеялся. Ух, как я злилась, когда он подшучивал над моим ростом. Ну погоди, когда я вырасту, я тебе устрою!

Мы возвращались из магазина, и тут я заприметила двух девочек, которые играли в какую-то странную игру. Девочки были постарше меня года на два. Их было три. Две стояли напротив друг друга, между ними была натянута резинка, а третья девочка прыгала в середине. При этом она прыгала в определенной последовательности. Как будто это был какой-то танец.

– Пойдем! – недовольно сказал Стас и потянул меня за руку.

– Подожди! Я хочу понять, что они делают!

– Они играют в какую-то ерунду! Девчачьи игры всегда странные. Пойдем смотреть фильм.

Но мне безумно понравилась эта игра.

– Я хочу так же! – заныла я.

– Ну тогда иди знакомиться, они тебя научат.

Я вся сжалась, мне было страшно знакомиться с девочками, я их боялась. Все еще помнила, как девочки во дворе отказались со мной играть, потому что у меня были мальчишеские игрушки. Я неуверенно подошла к ним – ни к чему хорошему это не привело. Девочки посмеялись надо мной, сказали, что я еще маленькая, а в эту игру играют только большие. Я вернулась вся в слезах.

– Не плачь! Я сам к ним пойду! – сказал мне Стас.

Он ушел к девчонкам, а я побрела домой относить продукты. Когда я разобралась с пакетами и убрала все в холодильник, пришел довольный Стас. Он протянул мне резиночку тех девчонок.

– Я все узнал! Я тебя научу.

– Они тебе рассказали? Вот так просто? И отдали резиночку? – поразилась я.

Я восторженно смотрела на белый моток резинки.

– Они мне подарили, – гордо сказал он. – Я с ними поздоровался, улыбнулся и попросил научить в нее играть, они все рассказали и даже отдали эту штуку.

В тот момент я очень гордилась моим другом. Гордилась тем, что у него так здорово получалось со всеми дружить. Но спустя несколько лет, когда мы стали врагами, я узнала тайну той резиночки. Одну из тех девочек звали Дашей. Впоследствии Даша стала моей одноклассницей, а потом – лучшей подругой. Именно Даша рассказала, что Стас, чтобы выведать тайну игры в резиночку, стал хлестать их крапивой. Стас уже тогда был склонен к жестокости и агрессии, но я этого не видела. Для меня он был просто моим Стасом. Самым лучшим и красивым мальчиком на Земле.

– Ну что, пойдём, научу тебя прыгать через резиночку? А потом посмотрим фильм?

Мы вышли в огород, один конец резиночки перекинули через два стоящих рядом столбика, а на другой конец встала я. Стас встал сбоку от двух резинок и показывал мне разные прыжковые комбинации. Вскоре я выучила движения и стала прыгать сама.

Больше всего мне удавалась та часть, где надо было быстро выпрыгнуть из резинки наружу и попасть ногами на сами резинки. Я почему-то всегда попадала четко на линии резинок, даже если они были натянуты до самых бедер. А вот та часть, где надо было прыгнуть внутрь, у меня никак не получалась. Даже если резинки натянуты низко, до колен. Почему так, я понять не могла. Может, не хватало ловкости или скорости? Или ноги коротковаты?

После того первого раза мы стали часто играть в эту игру и продвинулись в этом здорово. У нас получалось прыгать очень быстро. Мы даже от себя добавили пару движений.

Играли каждый день и по многу раз, и мне кажется, я так отработала движения, что никогда их не забуду. Только когда мы играли в резинку, я замечала, что Стас часто осматривался по сторонам, нет ли кого рядом? Я понимала, что это девчачья игра, и если кто-то из мальчишек увидит его, то могут засмеять. Но игра и мне, и ему понравилась безумно.

Мы пришли к нему домой и стали смотреть «Корабль-призрак». Мама Стаса сделала на завтрак блинчики с малиновым вареньем.

Фильм нам очень понравился. Морскую тематику просто обожали, и привидений тоже. Там было очень много пугающих моментов. Стас сказал мне, что я очень похожа на Кэтти, маленькую девочку-призрака из фильма, только волосы другие. У Кэтти они рыжие, а у меня какие-то непонятные, темно-серые. Такой оттенок в салонах красоты называют «лесной орех», но я бы назвала его просто: цвет мокрой пыли. За «Кэтти» Стас получил по носу. Как же он мог забыть, я же ненавижу девчачьи роли. И сравнение с маленькой доброй девочкой-привидением привело меня в бешенство. После просмотра я была в восторге от Джека, главного злодея, оказавшегося в конце фильма кем-то вроде демона из Преисподней и который всех лихо обманул, притворившись человеком. Чтобы помириться, Стасу пришлось соврать, что он все перепутал, и на Кэтти я не похожа ни капли, и да, он как следует рассмотрел и понял, что у меня есть что-то общее с Джеком. Глаза такие же и так же улыбаюсь. После его слов я сидела довольная, для меня это было самым лучшим комплиментом.

Стас сказал, что я странная, потому что никогда не плакала, когда убивали добрых

героев. Зато всегда ревела, если фильм кончался хэппи-эндом и умирали злодеи. И вот теперь, в конце фильма, когда взорвался корабль и взрыв уничтожил моего любимого Джека, я опять пустилась в рев.

– Никогда не видел, чтобы кому-то так было жалко злодеев! – ухмыльнулся он.

Фильм вдохновил нас на еще одну игру. И сразу после просмотра мы понеслись ко мне домой и стащили у бабушки две простыни. У нее их была целая гора, и вряд ли она заметила бы пропажу парочки.

Мы забрались на чердак и принялись колдовать над своими будущими костюмами. Нарисовали красной краской на простынях улыбки, а черной обвели глаза; затем сделали прорези. У нас получились замечательные костюмы привидений, нам тогда казалось, что они очень страшные и все будут нас бояться. К вечеру мы доделали их и, бегая вокруг домов, пытались кого-нибудь напугать. Но, к нашему огорчению, нас никто не боялся. Нам попались соседи из дома номер пятнадцать, я не помнила, как их зовут, пожилая такая пара, бабушка и дед. Мы напали на них сзади и завыли, изображая злобных привидений, но они не испугались, а, наоборот, засмеялись. Потом мы увидели, как возле своей вишни ходит дядя Гена. Но мы не стали его пугать. Однажды за то, что мы оборвали его вишню, он нас здорово потрепал. Потом нам попала семья Ермаковых, но они тоже засмеялись, даже их маленький сын не испугался.

Мы в расстроенных чувствах забрались на чердак и стали думать, что же мы сделали не так. И наши размышления не прошли даром – в дальнейшем в этом деле мы очень преуспели. Мы стали настоящими фанатами ужастиков и усовершенствовали свою методику «пугания».

На следующий день мы посмотрели «28 дней спустя», и нас перестали вдохновлять привидения. Нашими кумирами отныне стали зомби. Мы стали делать крутые костюмы и научились неплохо гримироваться. Из Стаса вышел отличный актер, даже я так не могла страшно закатывать глаза. А уж какие звуки он издавал! Мне было очень страшно. И людям вокруг тоже. Мы надевали старую простую одежду, мазали ее кетчупом. Пудрили лица мукой, чтобы кожа стала белой-белой, фломастерами рисовали синяки под глазами. Мы шли по дороге шаткой походкой, нетвердо ступая на подкашивающихся ногах. Широко раскрытые глаза, волосы спутаны. С гримом мы старались не переусердствовать. Мы тогда уже поняли, что людей больше пугает естественность, какая она есть, поэтому кетчуповой крови мы добавили себе на одежду совсем чуть-чуть. Мне кажется и без этого нас бы испугались, ведь пугал сам факт того, что в темноте одиноко бродят странные дети.

Вечер выдался прохладный, и я даже накинула куртку. Стас был в одной легкой футболке.

– Тебе не холодно? – спросила я.

– Нет, мне никогда не бывает холодно, ты что, забыла?

Ах, да... Как я могла забыть. Стас никогда не мерзнет. Все ходят в куртках, а он надевает ветровку. Когда все надевают ветровку, он ходит в футболке. Я в шутку как-то сказала, что он живет на другой планете, где всегда теплее на один сезон.

И тут мы увидели вдалеке моего деда, который возвращался с работы. Он шел по дороге, пошатываясь, и держал в руках бутылку, к которой время от времени прикладывался. Мы спрятались в кустах и обдумывали план действий, как бы так лучше напугать деда, чтобы он от страха раз и навсегда перестал пить. И когда дед подошел достаточно близко, мы встали на колени и поползли к деду на четвереньках, сопровождая свой выход шипением, рычанием и клацаньем зубов.

– Мать честная, раскудрить твою через коромысло! – завопил дед и то ли побежал, то ли попрыгал прочь. Я никогда не видела, чтобы мой медлительный от старости дед мог так бегать и тем более прыгать. Каждый его удаляющийся прыжок по длине явно превосходил результаты Олимпийских игр, но вряд ли дед мог об этом догадываться.

И дед действительно перестал пить на какое-то время. Стал чаще креститься. И вообще стал почаще уходить в себя и задумываться о разных вещах. Так что наш урок пошел ему только на пользу. Пусть думает, думать – это полезно.

Спустя время, когда разрушилось наше «вместе», я тоже стала задумываться о многом и на многие вещи стала смотреть по-другому. Как бы по-взрослому. Как будто во мне щелкнул какой-то замочек, и некий ранее не работавший механизм вдруг задвигался. И когда наши дороги разошлись, я часто вспоминала улыбку Стаса, того Стаса, который был моим другом. Его светлые волосы, его глаза, наши детские игры. Особенно запомнилась игра в «Брось в окошко». Глупая, детская, но безумно милая игра: «В окошко – улыбку, а из окошка – смех».

Я вспоминала разные детские песенки, которые мы пели, помнила все слова, все до единого. Мы очень любили петь. Пела я лучше, чем Стас, не путалась в словах и хорошо помнила мотив, в отличие от него. Он часто обижался на меня за это – ведь это он обучил меня многим песенкам, и я просто не имела права петь их лучше. Стас хотел сам петь мне их.

Сейчас я согласна на все что угодно, лишь бы тот мальчик из прошлого снова стоял передо мной и пел мне свои песенки. Песенка про овечку. Про котенка и паровозик. Песни Высоцкого, которые любил слушать дед. Дворовые песни, которые пели взрослые мальчишки. Я помню их все. И они все играют в моей голове, как будто там находится встроенный магнитофон. Эти песни говорят мне, что когда-то я была счастлива.

Последние летние деньки. Рюкзак, тетрадки, ручки, учебники, банты, гольфы и сандалики – все подготовлено для школы. Чем больше проходило времени с папиного ухода, тем лояльней я стала относиться к девчачьим вещам. Мама уже могла нацепить на меня платье без визгов и драк.

Мы со Стасом сидели на высокой рябине и плевались друг в друга ягодами, обсуждали какую-то недавно посмотренную комедию про свадьбу. Мысли плавно переключились с фильма на саму церемонию.

– Стас, а давай поженимся? – предложила я ему. Он задумался на несколько секунд. Пожал плечами.

– Ну, давай.

Церемония проходила в доме моей бабушки. Я надела белый сарафан, сплела венок из клевера. Посмотрела в зеркало. Хм. Кажется, я начала любить платье. Мы попросили бабушку обручить нас. Она взяла в руки первую попавшуюся книгу – «Волшебник Изумрудного города» – и стала делать вид, что читает торжественную речь.

– А теперь объявляю вас мужем и женой! – сказала она и захлопнула книгу, – только обойдемся без поцелуев, а то ваши родители меня убьют.

Но Стас все равно чмокнул меня в щеку. Я посмотрела на него, улыбнулась и чмокнула в ответ.

– А свадебный танец? – протянула я.

– Танец, хм... – бабушка включила старый кассетный магнитофон в розетку, – не обещаю, что здесь будет подходящая песня... – и нажала на кнопку.

Магнитофон завыл голосом Аллы Пугачевой:

– Я знаю, что у неё, неё, неё душа кошкина. А я хорошая. Мадам Брошкина...

Мы засмеялись и стали танцевать. Делали смешные движения, строили рожицы, прыгали и вертелись.

Вот так прошла наша свадьба. И вроде бы это была лишь игра и мы от души посмеялись, но для каждого из нас это значило гораздо больше.

В то лето у Стаса родилась сестренка. Мы часто ходили в парк с его мамой. Мама везла коляску с малышкой. Потом давала ее нам, и мы катали ее по парку. Мы очень гордились, выполняя такое ответственное задание, несмотря на то что коляска доставала Стасу до груди, а мне – до макушки. Мы чувствовали себя совсем взрослыми.

На следующий день после нашей шуточной свадьбы мы снова пошли в парк. Стас вез коляску со своей сестрой, я шла рядом. Мама Стаса шла сзади. Прохожие смотрели на нас и улыбались.

– Какие милые дети! Мальчик, это твои сестренки? – ласково спросили Стаса проходящие мимо мужчина и женщина.

Стас оскорбился. Он холодно посмотрел на них и грубо ответил:

– Это моя жена. И мой ребенок, – и, не дожидаясь ответа, гордо задрал подбородок и быстро покатил коляску дальше.

Я очень гордилась своим юным мужем. Мне очень понравилось, что он так сказал.

Наступило первое сентября. Бабушка заплела мне две тугие косички и украсила их бантами. В одной руке я держала огромный букет цветов, другой рукой держалась за бабушку.

Стас со своей мамой шли рядом.

– Не бойся, – подбадривал он меня, – тебя никто не укусит. Пусть только попробуют! Я им покажу! Он улыбнулся.

Я робко улыбнулась в ответ. Мне нравилось, что в школе у меня есть такой храбрый друг и что если меня кто-нибудь обидит, то он защитит меня.

На торжественной линейке Стас держался рядом со мной. Очень много людей, яркие букеты, детские крики и смех – все это кружило мне голову. Мне не было страшно, потому что Стас был рядом. Потом нас повели в наши классы. Учительница показала нам школу, рассказала про школьный распорядок. Со Стасом мы сели за одну парту.

Учительница дала нам свободное время, чтобы мы могли познакомиться поближе и поиграть. Стас сразу пошел знакомиться с мальчишками. Я робко пошла за ним, но он обернулся и смущенно посмотрел на меня. Я видела, что он хочет сказать мне что-то, но боится.

– Может, ты пойдешь поиграешь с девочками? – спросил он. Я не подала виду, что обиделась. Но обиделась я тогда здорово.

– Но они не станут со мной играть!

Стас взял меня за руку и повел к группе девчонок.

– Я знаю, кто точно станет!

Среди этих девочек я узнала ту, которая подарила нам резиночку.

– Как тебя зовут? – спросил он ее.

Девочка испуганно посмотрела на нас и стала теревить свои светлые косички.

– Даша.

– А ее – Тома, – представил меня Стас. – Вот. Теперь вы познакомились. А я пошел.

Стас ушел к мальчишкам. А я смотрела на Дашу, не понимая, как вести себя с девочкой.

Даша задумчиво посмотрела на меня.

– Хочешь, я покажу тебе своих лошадей? – спросила она меня.

– Очень хочу! – обрадовалась я. Даша повела меня в конец класса.

– Вот они. Тут их стойло, – показала она на пустой угол.

– Но тут же никого нет! – разочарованно протянула я. Даша удивилась.

– Как нет? Вот они. У меня четыре лошади. Видишь эту, розовую? Ее зовут Крошка. Она умеет летать. А вот эта коричневая – его зовут Ветер. Он мчится быстрее всех. Белую зовут Молния. А рыжую Буран. Буран уже старенький. Он очень медленный.

– Но я никого не вижу! – хлопала глазами я, всматриваясь в угол.

Даша рассердилась.

– Что ж ты такая слепая? Смотри лучше! Как же я смогу с тобой дружить, если ты не видишь моих лошадей?

Я напрягла воображение. И увидела.

– Я... я вижу их! – с восторгом прошептала я.

Я протянула руку к Бурану и погладила его гладкую рыжую гриву. Даша хитро посмотрела на меня.

– Ладно, я разрешу тебе покататься на Буране. Садись! А я сяду на Молнию. Если справишься с Бураном, так и быть, я разрешу тебе покататься на Ветре.

Мы сели на воображаемых лошадей. И поскакали по классу. Краем глаза я видела, что Стас с другими мальчишками играют в конструктор. Я больше не обижалась на него. Я была благодарна ему за то, что он познакомил меня с этой странной и необычной девочкой.

Так началась моя школьная жизнь. Поначалу было тяжело – непривычно было вставать в такую рань, да и на дом задавали очень много уроков.

Из-за того что у меня появилась подруга, наша дружба со Стасом ничуть не ослабела. Мы по-прежнему сидели за одной партой, ходили вместе в школу и из школы. Стас часто приходил ко мне в гости. Помогал с уроками. Учеба давалась ему легче, чем мне.

Как-то я делала уроки, а он пришел ко мне.

– Фи! Да это мы проходили, это легкотня! – сказал он, прочитав задачу. – Я за пять минут решил ее.

Он взял ручку и бумагу и стал что-то считать. Потом долго пытался мне объяснить решение, и в конце концов я поняла.

Однажды мы со Стасом нашли одно очень необычное место. Мы, как обычно, сидели на плитах, плевали вниз. Пытались слюной сбить с куста гусеницу.

– Скучно. Пойдем на ту сторону? – предложил он.

– На ту сторону? – испугалась я.

Наш маленький детский мирок включал в себя только три улицы. Мы гуляли там, но этого было вполне достаточно, каждая улица казалась нам огромной Вселенной, которую можно исследовать вечно. Наша улица находилась посередине. Мы ее не очень любили, на ней не было ничего интересного. Слева от нее параллельно шла асфальтированная дорога, которая нам тоже не нравилась, потому что по ней непрерывно носились машины. Зато та, что справа, была нашей любимой. На ней находилась котельная, а это просто Вселенная внутри Вселенной. На ее территорию мы обычно боялись залезать, но с удовольствием бродили вокруг, по заброшенной и мрачной местности.

Та сторона – это все, что находилось по ту сторону железной дороги. Конечно, там было очень интересно – там много недостроенных и брошенных домов, по которым так здорово лазить. Но ходить на ту сторону нам категорически запрещалось. И Стас это знал.

– Но нам нельзя... – промямлила я.

– Девчонка... Что с тебя взять? – сказал он и посмотрел на меня презрительно.

Он никогда раньше не говорил так со мной. Я проглотила комочек обиды, схватилась пальцами за прядку волос и стала нервно тереть ее и наматывать на палец.

Стас подошел ко мне. Протянул руку и намотал прядку моих волос на свой палец.

– Так вот почему у тебя волосы кудрявятся! Теперь я знаю твой секрет, – он ободряюще улыбнулся. – Пойдем! Ничего страшного не случится. Мы быстро – туда и обратно.

– Пойдем! – смело сказала я.

Мы шли по улице, от которой в стороны отходили три переулка. Переулки были частью нашего Мира, мы очень любили их. Здесь летом всегда росли ягоды: крыжовник, земляника и ирга. Мы прошли уже два перекрестка. Последний же проводил некую черту между нашим миром и миром запретным. А Стас вел меня туда, за разделяющую черту.

Я встала на последнем перекрестке и опять растерянно затеребила волосы.

– Ну? Что стоишь? – спросил меня Стас.

Я с надеждой посмотрела на него. Он должен понять, что мы стоим на границе и мне тяжело переступить черту. Он понял это и ободряюще сказал:

– Пойдем. Ничего страшного, мы же ненадолго.

И я подчинилась. Закрыв глаза и сделав усилие над собой, я перешла черту. Облегченно выдохнув, я посмотрела назад, на наш маленький, уютный и такой безопасный мир. Да, Стас привел нас в чужие владения. Мир, полный всего неизведанного и опасного. Такой страшный

захватывающий мир – линия железной дороги, через которую надо осторожно переходить, за ней – коттеджный поселок с недостроенными или брошенными домами. Мы обошли весь поселок, облазили все недостроенные дома. Нам очень понравилось одно место – фундамент дома, сверху на котором лежали плиты. Внутри – огромная квадратная яма, по квадрату – кирпичные стены. Видимо, это место планировалось под подвал дома. Мы пролезли в узкий лаз под бетонной плитой и посмотрели вниз, на яму. Никаких лестниц. До низа два метра. Нужно было прыгать.

И мы прыгнули. Здесь было довольно прохладно. Хитрое переплетение бетонных стен превращало подвал в лабиринт. Вместо пола – голая земля. Было достаточно светло – в щели между стенами и потолком проникало достаточно света.

– Мне нравится это место! – Стас осмотрел все стены. – Надо запомнить его... На всякий случай.

Я растерялась.

– Но... Зачем? Здесь так далеко от дома...

– Еще не знаю, – сказал Стас. – Но уверен, что это место нам однажды понадобится.

Я поежилась. Мне не понравился этот подвал. Здесь было так сыро и мрачно... Куда комфортней было сидеть на нашей рябине или в огороде, но я промолчала.

Школьная жизнь изменила и наши отношения со Стасом. Он стал много общаться с другими мальчишками – из класса и с нашей улицы, хотя они были и старше нас.

Мы теперь редко бывали вдвоем, как раньше. Но Стас всегда брал меня с собой в свою «мужскую» компанию. Поначалу мальчишки, глядя на меня, презрительно протягивали: «Девчо-о-онка...»

– Посмотрите на нее! – защищал меня Стас. – Разве она похожа на девчонку? По мне – так настоящий мальчишка. Одежда, лицо, походка – все как у нас. Ну, только волосы девчачьи, а так – она как мы.

Я улыбнулась. Эти слова были одним из тех «лучших» комплиментов.

С мальчишками вместе мы играли в казаки-разбойники, устраивали войнушки с ребятами соседних улиц. Эти игры казались мне удивительными. Но участие «на равных» мне давалось очень тяжело – чтобы успевать за мальчишками, нужно было бегать так же быстро, как они, прыгать так же ловко и во всем всегда им следовать. Мальчишки меня не щадили. Они вели себя очень грубо и часто не рассчитывали свою силу, но я привыкла к этому. К синякам, дракам и потасовкам стала относиться как к чему-то совершенно обычному. Только время помогло мне заслужить уважение мальчишек нашей компании.

Но тогда Стас помогал мне. Он подсаживал меня на высокие заборы, всегда протягивал руку, когда мы пробирались через высокие заборы... Когда мы крали кирпичи для нашего шалаша из огорода одного из соседей, все несли по три кирпича. Чтобы потом меня не называли девчонкой, я тоже схватила три, но мне было жутко тяжело. Стас забрал у меня один и нес четыре. А потом говорил всем, что мы оба несли по три.

Мы вместе гонялись за девчонками. Делали «стрелялки» из резинок бигуди и напальчников – и стреляли в девчонок рябиной. Стрелялки били больно, после них оставались синяки. А еще раздавленная рябина сильно пачкала одежду девчонок.

Стас не был лидером в нашей компании в силу возраста и маленького роста. Но я видела, как у него горят глаза. Он очень хотел им стать и всегда старался делать все лучше других мальчишек. Даже когда делали для удочек грузила из расплавленного свинца – разбирали старые аккумуляторы на пластины, складывали их в консервные банки, грели над

костром. Расплавленную массу лили в ложки, чтобы придать форму. У Стаса получалось лучше всех. У него всегда все получалось лучше всех, и другие мальчишки видели это.

Стас больше никому не сказал про тот подвал, который мы нашли. Но иногда, тайком от всех, мы ходили туда вдвоем, просто чтобы проверить, что ничего не изменилось. Я поняла, что он припрятал это место для особого случая. И такой случай наступил.

Через два года, весной, когда мы оканчивали третий класс, в нашей уличной компании произошел настоящий переворот. Смена власти. Все это время Стас выжидал. Он хотел стать лидером компании и ждал подходящего момента. И момент наступил.

В школе объявили карантин – очень многие заболели ветрянкой. И нас распустили по домам на две недели.

Все старшие ребята, лидеры нашей уличной компании, заболели ветрянкой. Стас не растерялся и мигом перехватил управление. Он быстро привел в компанию ребят из нашего класса – хотя это было запрещено. Никто не имел права приводить чужих. Это придумали старшие ребята. Но так как они заболели, следить за исполнением правил было некому. Стас наконец-то повел всю компанию в заброшенный подвал на той стороне и объявил его «нашим местом». Все обрадованно согласилось. Мы назвали его Бункер. Когда старшие ребята выздоровели, то попытались вернуть себе утраченную власть. Но Стас был в выигрыше – Бункер принадлежал ему, внутри бункера действовали правила, придуманные Стасом, и тот, кто был не согласен с ними, должен уйти. Компания раскололась на две – тех, кто поддерживал старших ребят, и тех, кто Стаса. Началась война. Жуткая, кровавая, с камнями и палками. В итоге Бункер остался за нами, а старшие ребята с позором ушли прочь.

Стас приглашал в Бункер новых ребят. Компания росла.

– Нужно бы придумать название для нас, – как-то сказал Стас.

– Куда тебе столько друзей? Зачем тебе такая огромная компания? – спросила я.

– Я хочу создать боевой отряд! – гордо воскликнул мне он. – Хочу завоевать мир!

И мы вместе стали думать над названием. Несмотря на то что в компании было много человек, к себе домой Стас приглашал только меня. Мы по-прежнему смотрели с ним фильмы по вечерам, но вот некоторые детские игры навсегда остались в прошлом.

Название пришло в голову неожиданно, когда мы вдвоем сидели у Стаса в комнате и смотрели фильм-боевик о приключениях двух героев из отряда «Степные койоты». Они храбро сражались с бандитами, выполняли опасные трюки, прыгали с парашютом, очень круто дрались и суперски гоняли на тачках. Нетрудно догадаться, какое название мы подобрали себе.

Над лазейкой в Яму на бетонной плите мы написали красной краской из баллончика:

Степные койоты

Но это звучало как-то сухо, мы все это понимали. Стас подумал немного и приписал спереди еще одно слово. Вся надпись теперь читалась так:

Осторожно! Степные койоты

Такая надпись нам очень понравилась.

Через несколько дней Стас провел торжественную церемонию посвящения в свой

отряд. Специально для этого он прикупил на блошином рынке старые значки. Одинаковых значков так много он не смог найти, поэтому все они были разные. Мы выстроились в линию. Стас подходил к каждому и прикреплял к его груди значок. Мне досталась золотистая звезда с красным камешком внутри. Потом, когда я увидела значки на остальных ребятах, поняла, что Стас специально выбрал звезду для меня. Мой значок был самым красивым из всех.

– Поздравляю со вступлением в боевой отряд, солдат! – Стас приколот мне значок и пожал руку. Он задержал свою руку на моей дольше, чем на других.

Я очень загордилась. Это очень круто – быть членом отряда «Степные койоты»!

Это посвящение сделало нас всех ближе. Мы все стали одной семьей. И не повезет тому, кто встанет на пути у Степных койотов. Нас было так много... Мне было искренне жаль наших врагов.

Мне было десять лет. Мое членство в отряде Степных койотов закончится ровно через два года. Стас с позором вырвет мой значок и навсегда изгонит из отряда, и члены моей семьи станут моими врагами.

С появлением Степных койотов Стас начал меняться, как и его интересы. Теперь он любил часами сидеть в бункере с мальчишками. Или просто бесцельно шататься по улицам. Он презрительно хмыкал, когда я предлагала ему порисовать или поиграть в какую-нибудь из наших старых игр.

– Твои игры для детишек! – говорил он. – У взрослых другие развлечения!

Мне становилась стыдно, и я больше никогда не предлагала ему играть во что-то «детское». Презрительно смотрела на других девчонок во дворе, которые играли в резиночку или что-то рисовали на земле.

– Фу ты ну ты! – хмыкала я, глядя на девочек. – Девчачьи нежности!

Я лукавила. Мне все еще были интересны наши старые игры, но мне было стыдно сказать об этом Стасу. Я принимала его новые увлечения, а в старые игры играла с Дашкой, когда мы были вдвоем.

Стасу иногда надоедала большая компания, и мы уходили куда-нибудь с ним вдвоем. Мне очень нравились эти моменты. Мы говорили о разных вещах, о том, о чем не могли бы поговорить со всеми остальными мальчишками из компании. В эти редкие прогулки Стас становился другим. Он переставал важничать, переставал быть лидером, а снова был тем простым мальчиком, с которым я познакомилась совсем маленькой девочкой.

Мы забирались на мою крышу и подолгу сидели там, поедая мороженое и разные другие вкусности. Это было прекрасное время, я обожала эти наши посиделки. Я любила такого Стаса. Стаса, который обнимал меня за плечи и по-братски говорил:

– Эй, сестренка, выше нос! Старший брат не даст тебя в обиду!

Я любила Стаса, который таскал мне из дома дорогие иностранные конфеты, привезенные из командировки отцом. Он протягивал мне целые пакеты со словами:

– Я знаю, ты любишь такие. Бери, бери. Я еще принесу.

Я любила Стаса, который в минуты, когда слова не идут, но хочется сделать что-то такое стоящее, в порыве чувств сильно сжимал мою руку.

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, Стас подарил мне лодочку из дерева.

– Я сам ее вырезал! – гордо сказал он.

– Спасибо! – поблагодарила я, с восторгом разглядывая лодочку. Она была прекрасной. Проработан каждый изгиб, даже скамеечка в лодочке была тщательно прорезана. На дне краской были написаны наши имена – Стас и Тома.

Мне тоже захотелось ему что-нибудь подарить. Хотя его день рождения уже прошел, мне хотелось сделать ему подарок... без повода.

Что-то памятное. Стаса крестили в день святого Серафима, и я решила подарить ему нательную иконку. Зашла в часовенку недалеко от школы и купила. Я шла домой и гладила маленькую иконку, с нее на меня смотрел святой Серафим. Я не знала, понравится ли Стасу мой подарок – никто из мальчиков, которых я знала, ничего подобного не носил. Но Стасу понравилось. Он тут же надел иконку. И сказал, что никогда ее не снимет.

Записки, открытки, рисунки, лодочка... Вещи, подаренные Стасом. Стасом из прошлого. Я всегда разделяю их. Тот мальчик из детства не имеет никакого отношения к этому жестокому чудовищу, которого я вижу каждый день в школе.

В те прекрасные моменты, когда мы оставались со Стасом вдвоем, мы часто бегали к

деду на работу, в его каморку охранника. Дойти до его работы было само по себе приключение, потому что идти нужно было целый час. Войдя в его каморку, мы попадали в удивительный мир.

Я обожала это место – маленькая, но очень уютная комната. На стене висел портрет Армстронга. Одна стена состояла сплошь из книжных полок. Стругацкие, Беляев, Брэдли, Уэллс... Дедушка всегда обожал фантастику. А еще у него было много сборников стихотворений.

В каморке пахло ромашковым чаем. Дедушка всегда пил этот сорт. Он болел желудком, и врачи прописали ему пить ромашковый отвар. Мы ненавидели этот чай, он на вкус был ужасно горьким, морщились, но пили, потому что дедушка пил. А также потому, что это было традицией, а традиции нельзя нарушать. А еще дед угощал нас каменными пряниками, которые лежали в этой каморке, наверное, с самой ее постройки.

Мы со Стасом садились в старое кресло – забирались в него с ногами, пихая и отталкивая друг друга, чтобы выкроить себе место – и, укрывшись пледом, смотрели на деда. У дедушки голубые глаза, все лицо в смешных ямочках, бороды совсем нет. Волосы короткие и совсем седые.

А дед рассказывал нам стихи. Это были странные стихи, разных поэтов всех времен. Особенно мне запомнилась одна английская баллада про исповедь смертельно больной королевы Британии. Мы переписали себе слова и разучили это стихотворение наизусть. Мы не понимали половины слов, а другую половину перевернули. Но по непонятной мне причине эта баллада запала в душу нам обоим. Иногда я бегала к деду тайком одна – мне хотелось первой услышать какое-нибудь новое стихотворение, чтобы потом рассказать его Стасу самой.

Было у нас еще одно увлечение. Так как у нас с ребятами был боевой отряд, то часто мы играли в войну. Правила придумал Стас.

Главные правила войны:

Нужно разделить на две команды. Каждая из команд выбирает в лесу место для своего лагеря. Лагерем служит огороженный камнями круг на земле. В центре круга надо воткнуть флаг – палку с привязанной на конце тряпкой. Задача противоположной команды – найти чужой лагерь и забрать флаг.

В каждой команде есть защитники и разведчики. Защитники охраняют свой лагерь, разведчики отправляются захватывать вражеский флаг.

В твоём распоряжении три разрывные гранаты (шишки), один автомат и один пистолет (на пульках).

У каждого к одежде на груди пришит пакетик с краской – если попадут туда, ты убит, а если ты убит – иди домой. Попали в руку или ногу – ты парализован. Ты должен оставаться на месте, пока не произнесешь вслух десять раз слово «бронепоезд».

Пожалуй, самое важное правило – никогда не разговаривай с тем, кого ты собираешься «убить». Этому правилу надо было следовать всегда. Враг может провоцировать тебя, пытаясь вовлечь в разговор, чтобы ты замешкался и потерял драгоценные секунды. Разговор делает врага сильнее.

Этого правила не было в списке основных правил. Я приписала его сама, на основе личного опыта. Когда ты внезапно нападаешь на вражеское логово, враги используют все силы и средства, чтобы отсрочить время. В одну из таких войн враг пытался доказать мне, что он «не в игре». Уверенно нес какую-то чушь о том, что он только что видел в лесу нашего

физрука и тот сказал ему, что в школе взорвалась бомба. Я что-то спросила в ответ и получила пулю. Вот поэтому я и придумала новое правило – не разговаривать с врагами. И не слушать их. Ну, только с теми, кого ты собираешься «убить», а ведь можно и взять в плен. Пленные иной раз оказывались довольно полезными – их можно было пытаться крапивой и щекоткой, и они сами разбалтывали, где находится их лагерь.

Мы бегали по лесу, обстреливали друг друга. Помимо захвата вражеского флага придумывали себе всякие задания – например, найти во вражеском логове секретную формулу нового биологического оружия. Секретная формула оказывалась куском древесной коры – ее прятал кто-нибудь из наших в какое-нибудь дупло. Либо нужно было разгадать секретный код к вражескому бункеру. Опять же кто-то из наших писал на земле слово, буквы в котором были перепутаны, и нам нужно было отгадать.

Вот так проходило время моего детства. С Дашкой и мальчишками. Эти две дружбы я всегда разделяла. Но Дашке наши войнушки были неинтересны. Она любила совсем другое – листать яркие журналы, тайком красить губы маминой помадой, плести косички, писать дневники, заполнять их яркими рисунками и наклейками. Дашка собирала плюшевых мишек, носила пышные юбки. Любила классики, пикники, розовые рюкзаки и солнечные очки. Она любила фантазировать. Выдумывала диковинных животных, королевства, принцев и принцесс. Эти две дружбы как два разных мира. Я подстраивалась под оба мира. Принимала и те и другие интересы. Много раз думала: а что же люблю я? Какая я? Но эти вопросы ставили меня в тупик.

Мне исполнилось двенадцать лет. Мы со Стасом стояли на пустыре и смотрели на костер, в полном молчании, он держал меня за руку. Наш маленький ритуальный костер – я сжигала ту самую пустую пачку из-под мармеладок, подаренную отцом. И навсегда прощалась с детством. Вдруг Стас развернулся ко мне и приложил свой лоб к моему. Я думала, он меня поцелует, но этого не произошло. Он сжал руками мою голову, сильно-сильно и еще надавил лбом. Это означало многое. Годы дружбы со Стасом научили меня, что не всегда нужны слова, чтобы что-то сказать. Мы научились разговаривать взглядом или действиями. Мы простояли так долго, закрыв глаза, вдыхая запах дыма, прижавшись лбами. Что было скрыто в этом действии? Поддержка. Участие. Сожаление. Боль. Простыми словами не выразить то, что он передавал мне в тот момент.

За день до моего изгнания, ровно через два года после моего вступления в отряд Степных койотов, мы снова играли в войну. В нашей команде было пять человек. Мы со Стасом и Костей – разведчики. Остальные охраняли лагерь.

Мы начали игру. Отправились искать вражеский лагерь. Мы ступали тихо, как мышки. Шли, пригибаясь, чтобы нас не увидели враги. Пробирались через густые заросли и не заметили вражеского разведчика – он выстрелил нас и попал в Костю. Костя убит.

– Черт, – выругался он. – Ну ладно, я пошел домой.

Мы со Стасом убежали и скрылись в овраге. Одного из врагов мы нашли довольно быстро. Им оказался Толик. Он прятался в том же овраге в кустах, но не видел нас. Мы осторожно подкрались к нему. Стас выстрелил в него.

– Ты убит, – важно сказал он ему. – Иди домой.

Толик ушел. Мы выбрались из оврага и побежали в лесную чащу. Продолжили поиски врагов.

– Я вижу врага, – прошептал Стас. – Он идет оттуда, значит, их лагерь там. Пошли!

Он повел меня в глубь леса.

– Может быть, ты все-таки ошибся? – спросила я через некоторое время. – Мы идем уже долго.

– Нет, надо пройти еще.

Стас уверенно шел вперед. Мне ничего не оставалось, как следовать за ним. Стало очень холодно, я вся дрожала. Вскоре впереди мы увидели просвет. Мы вышли к ручейку.

Ручеек – граница нашего военного поля. За реку заходить нельзя.

– Пойдем влево, – сказал Стас. Я послушно поплелась за ним.

Идти вдоль ручья было еще холоднее, у меня уже начали стучать зубы. Мне хотелось, чтобы война побыстрее закончилась. Втайне я мечтала о том, чтобы меня убили и можно было пойти домой, где так тепло и сухо.

– Ты слышишь голоса? – спросил Стас меня через пару минут. Я остановилась и прислушалась.

– Нет, я ничего не слышу. Хотя... – и я услышала тихие голоса и смешки.

– Мы нашли их лагерь! – Стас посмотрел на меня с улыбкой. – Пригнись, мы будем ползти.

И мы подползли к вражескому лагерю.

– Это не они! – удивленно сказала я, раздвинув кусты каких-то колючек.

Возле ручейка у костра сидели взрослые мальчишки. Они были на несколько лет старше нас. Они прислоняли ко рту целлофановые пакеты. С каждым вдохом и выдохом пакеты то сжимались, то надувались снова. В нос ударил запах дыма и чего-то резкого, неприятного, похожего на запах краски.

– Что они делают? – шепотом спросила я.

– Нюхают клей, – ответил Стас.

Я во все глаза смотрела на ребят. Я знала, что некоторые нюхают клей, чтобы расслабиться и поймать глюки, но никогда не видела, как это делается.

– Пойдем отсюда, – сказал Стас.

Но тут один из взрослых ребят посмотрел в нашу сторону.

– Эй! – крикнул он.

Бежать было поздно. Мы растерянно переглянулись, сорвали пакетики с краской с груди, выбросили их, чтобы нас не засмеяли, и вышли из своего укрытия.

– Привет, – один из парней подошел к нам. Он был одет в грязные джинсы и рваную толстовку. Он улыбался, и от его улыбки я поежилась – все зубы у него были коричневые.

Он осмотрел Стаса, а потом посмотрел на меня.

– Привет, – пискнула я в ответ. Улыбка у него была страшная, но вот глаза мне показались очень добрыми.

– Чего вы подглядываете? – спросил он.

– Мы не подглядываем, – оправдывался Стас, – мы просто ищем своих... ребят и подумали, что это они здесь сидят.

Он кивнул.

Я дрожала от холода. Парень посмотрел на меня и сказал:

– Вы замерзли. Пойдите с нами, погрейтесь у костра.

– Нет, спасибо, нам нужно идти... – начал было Стас, но я дернула его за рукав:

– Пойдем, погреемся, пожалуйста! Я замерзла.

Стас с сомнением оглядел странную компанию. Он не доверял им и хотел побыстрее обратиться отсюда. Но я так замерзла, что мне было все равно, как они выглядят и чем тут

занимаются. Мне хотелось к огню... и парень смотрел так по-доброму, сам звал нас к костру.

– Ну, пойдём, – нехотя согласился Стас. Мы с улыбкой направились к огню и стали знакомиться с ребятами.

То наше знакомство вызвало цепную реакцию – именно эти мальчишки сожрут моего Стаса. Того Стаса, которого я знала раньше. А то, что они прожуют и выплюнут, – будет тем, в кого он превратился теперь...

Если бы я только знала, чем кончится наше новое знакомство, я бы без колебаний убежала бы оттуда, пока ещё была возможность. Если бы мы ушли оттуда тогда, пошли бы другой дорогой и никогда не наткнулись на эту странную компанию, все могло бы быть по-другому. Но прошлое не вернуть.

Мы не знали, что таких ребят стоит бояться. Мы никогда раньше по-настоящему не сталкивались с опасностью и даже не знали, что у опасности могут быть удивительно добрые глаза... и плохие зубы.

– Мы к тебе придем, – кричит в трубку Серега.

– Нет, не надо, – испуганно отвечаю я. Я сижу на больничной койке и нервно перебираю пальцами прядь волос. – Я выгляжу не очень... Не хочу пугать.

Это правда. Врач придет после обеда... Значит, когда заявятся мальчишки, я все еще буду с этой уродливой повязкой на глазу. Они меня засмеют. Придумают всякие клички, а потом эти дурацкие клички подхватят другие, и от них не отделаешься за многие годы. Нет уж!

Я слышу в трубке какое-то шебуршение. И грубый голос Ромки где-то вдалеке:

– Дай сюда.

И снова шебуршение. Видимо, Рома перехватывает трубку.

– Привет, гасконец! – весело кричит в трубку Рома.

– Привет.

– Мы придем.

– Нет.

– Не спорь. Тебя все равно никто не спрашивает.

– Я не скажу номер палаты.

– Ха! Ты думаешь, это нас остановит? Мы найдем тебя везде. От нас не спрячешься.

– Но я выгляжу не очень.

– А когда ты выглядела очень? Я что-то не припомню, – слышу в трубке грубый хохот Ромки. Не знаю, обидеться мне сейчас или засмеяться. Наверное, последнее. В этом все мои друзья – что бы ни случилось, они никогда и никого не пожалеют. Наоборот, будут смеяться и издеваться. Когда они увидят меня, то не будут склонять надо мной свои обеспокоенные лица. Они будут ржать. Вот такие у меня друзья. А все почему? Потому что им доставалось от Стаса в свое время столько же, сколько и мне, а то и побольше. Они закалились, принимая все происходящее как само собой разумеющееся. Они не жалеют себя и никого не жалеют, поэтому они такие грубые. Но я привыкла.

– Ладно, давай только без этого, – морщусь я. Опять хохоток в трубке.

– Ну что? Говори номер палаты.

– Сорок первая. Четвертый этаж. Отделение травматологии, – вздыхаю я.

– Окей, Томас. Жди нас.

Рома отключается, не дождавшись моего ответа. Мне почему-то становится холодно. Надеваю вязаную кофту с капюшоном. Убираю телефон. Смотрю в окно. Асфальтовые тропинки, редкие деревья, люди в белых халатах. Женщины в домашней одежде не спеша гуляют по дорожкам. Унылое зрелище. Поскорей бы свалить отсюда. Входит медсестра. Она держит в руках железный лоток с таблетками.

– Пора пить таблетки, – она протягивает мне лоток. Я беру из него две желтые таблетки – фурагин. В моей моче нашли микробы. Видимо, я пролежала на холодной земле слишком долго. Но микробов пока не так много, чтобы пить антибиотики. Поэтому прописали фурагин. Кажется, в прошлый раз, когда я лежала в больнице, тоже его пила.

Запиваю водой. Медсестра раздает таблетки моим соседкам. Уходит. А я снова отворачиваюсь к окну. Думаю о том, какие клички дадут мне мальчишки, когда придут и увидят меня. Вот было бы здорово, если бы врач успел снять эту чертову повязку до них! Хотя неизвестно, может быть, под ней все гораздо хуже и лучше мне оставаться с

залепленным глазом.

Друзья приходят раньше врача.

– Тук-тук, гасконец, ты здесь? – слышу я за дверью бодрый голос Сереги. – Можно войти? Голых нет?

Я смотрю на своих соседок по палате. Одна спит, вторая читает. Наверное, не стоит их пускать – они будут орать и всем мешать. Я выхожу за дверь.

Три пары глаз удивленно смотрят на меня, а я на них. Я не видела их всего пару дней, а такое ощущение, что прошла вечность. Кажется, что у Сереги отросли волосы. Серега маленький, худенький, а голова огромная. Сейчас отросшие волосы торчат в разные стороны, и голова кажется еще больше. Он напоминает мне огромный одуванчик. Он широко улыбается, и я смотрю на дырку в передних зубах. В дырке виден кончик языка.

Рома как будто повзрослел. Еще больше разросся в плечах. Куда-то пропали его щеки. Вместо них я вижу четкие квадратные скулы.

Нижняя челюсть Антона стала еще больше. И сильнее выдается вперед. Узкое лицо вытянулось, а зубы стали еще крупнее. Он похож на осла из Шрека.

Мальчишки смотрят на меня. Несколько секунд ничего не происходит, а потом они начинают ржать.

– Эй, потише там! – цыкает на нас медсестра со своего поста.

– Пошли в конец коридора. Там кресла есть, – бурчу я. «Ну вот. Теперь пойдут клички...» – думаю я.

Мы проходим в конец коридора. Здесь у окна стоят два кресла, а вдоль стены – лавочка. На полу – цветы в треснутых горшках. Я сажусь в кресло. Серега запрыгивает на подоконник. Рома занимает второе кресло, а Антон – лавочку. Их ржание не прекращается. Я терпеливо жду, когда все это закончится.

– Ох, Томас, ну ты нас и повеселила! – заливается смехом Рома.

– Ты теперь не гасконец, – Серега заикается. – Не мушкетер. Ты теперь пират! Гроза морей!

Новый взрыв смеха.

– Одноглазый Том!

– Томас Ромовый живот!

– Дейви Джонс!

– Черная борода!

– Томас Дырявый глаз!

Клички сыплются на меня одна за другой.

– Давайте, смейтесь-смейтесь над больными и убогими, – недовольно ворчу я.

– Да ладно, Том, – Рома хлопает меня по плечу. – Не сцы. Ты все еще гасконец. Мы все еще в команде мушкетеров, а?

– Конечно. Д'Артаньян и три мушкетера, – вздыхаю я.

– Ну вот! – улыбается Рома. Я сержусь.

– Эй! Вы даже не спросите, что со мной произошло? Почему у меня нет глаза? Кто на меня напал?

Лица мальчишек мигом посерьезнели.

– Мы еще вчера к бабушке твоей ходили, – тихо говорит Серега. – Она нам рассказала все. Ну, не все, конечно, но самое главное. Что с тобой ничего серьезного. А это самое важное.

– Ничего серьезного! – возмущаюсь я и показываю на свой залепленный глаз. – Это так теперь называется? И вот это? – я задираю рукав кофты и показываю на ожоги.

– Ой, ну давайте теперь шрамами померяемся, – наигранно возмущается Серега. – Я вас всех сделаю! Ни у кого из вас нет наполовину поджаренного бока! А у меня есть, хотите покажу? – Он начинает задирать рубашку. – Поджарили, как свинью! А вы мне тут что-то по своим ожоги...

– Мы сто раз видели твой бекон, – отмахивается Рома.

Я хихикаю. Мне смешно и грустно одновременно. Года два назад, еще до моего появления в их компании, Стас подпалил Сереге кожу на боку. Теперь на боку вдоль ребер у него красуется огромный шрам. Рома шутливо называет Серегу пол-Пятачка. Или полпорции бекона. Кроме нас, Серега не признался никому в том, что это сделал Стас. Родителям Серега сказал, что упал в костер.

– Ну, в общем, бабушка твоя сказала, что с тобой все хорошо, – возвращается к теме разговора Рома. – Что из больницы тебя скоро выпишут. А насчет того, почему мы не спрашиваем, кто это сделал... – он качает головой. – Думаю, это вопрос риторический. И ответа он не требует.

Я киваю.

– Сама хочешь что-нибудь рассказать? Я качаю головой.

– Ну, вот поэтому мы и не спрашиваем. Мы никогда не спрашиваем о таких вещах. Если человек захочет, он сам расскажет.

Киваю. Да. Главное правило – ни о чем не спрашивать. Принимать все так, как есть.

По коридору кто-то идет. Мы слышим чьи-то шаги, они словно ударяются о стены и доносятся до нас глухим эхом. К нам подходит медсестра.

– Тамара, там врач пришел. Марш в палату. Я обрадованно вскакиваю с места.

– Мне повязку будут снимать! – радостно сообщаю я мальчишкам.

– О, круто! А нам можно посмотреть? – спрашивает Серега. Я пожимаю плечами.

Мы проходим к палате. Мальчишки сначала неуверенно топчутся на пороге, но потом решаются и заходят внутрь.

Врач осматривает моих соседок.

Я ложусь на койку. Мальчишки обступают меня со всех сторон.

– Эй, парни! Чего вас тут так много? У нас тут не футбольный клуб! – недовольно ворчит врач.

– Мы с Томой. Мы команда поддержки, – бодро отвечает Серега.

– Ну, если поддержка, то ладно. Лежи смирно, – последние слова он говорит мне.

– А мне не будет больно?

– Я повязку снимаю, а не глаз выкальваю! – ворчит врач.

– Ну, мало ли...

Он дотрагивается до моего лица. Отлепляет марлю – слой за слоем. Местами становится больно – там, где кожа прилипла к марле.

– Ну, вот и все! – говорит врач. – Чудесный глаз! Краснота скоро спадет, и будет вообще хорошо! Сегодня тебя выписываем. Когда придут твои родители?

Я пожимаю плечами.

– Обещали к двенадцати. А уже два.

– Значит, скоро будут, – врач смотрит на часы. – Тогда я с ними обо всем и поговорю...

– О чем? – не понимаю я.

– Ну, там, чтобы забрали все снимки, справки для заявления в полицию...

Я сглатываю. Полиция. Нет. Ни за что.

Мне очень хочется, чтобы врач побыстрее ушел. Чтобы можно было посмотреть в зеркало на свой глаз. Он будто слышит мои мысли.

– Ну? Долго лежать будешь? Иди к зеркалу. Смотри.

Я поворачиваюсь к мальчишкам. Вопросительно смотрю на них. Они пожимают плечами. Я осторожно встаю с койки. Медленно подхожу к раковине – над ней висит маленькое мутное зеркало. Я смотрю... и вижу чужое лицо.

Нет, вроде бы ничего не изменилось. Те же полные губы. Высокий лоб. Круглые глаза. Волосы цвета мокрой пыли. И все-таки что-то не то... я смотрю на левый глаз. Пальцем дотрагиваюсь до нижнего века – кожа в этом месте непривычно тонкая. И будто кто-то потянул за уголок века вниз, зафиксировав в этом положении. Глаза стали асимметричными. Ресницы на нижнем веке практически полностью отсутствуют.

– Конечно, строение немного изменилось, – говорит врач, – если тебя будет сильно напрягать шрам, то можно сделать подтяжку. Операция ерундовая, в любой косметологии сделают. Просто подтянут кожу века немного вверх, и все.

Врач уходит. А я все еще смотрю в зеркало.

– Ну как я выгляжу? – спрашиваю я мальчишек. Дотрагиваюсь пальцем до века. Оттягиваю кожу вниз. Потом вверх. Кожа в этом месте стала совсем другая. Не моя.

– Хм... – мальчишки задумчиво смотрят на меня. – Немного непривычно. Но не так уж плохо.

Я отхожу от зеркала. Сажусь на койку. Снова дергаю веко – вверх и вниз. Вверх и вниз. Рома бьет мне по руке.

– Да не дергай свой глаз, а то совсем вывалится! – грубо говорит он.

Я послушно убираю руку. Но так и хочется снова потрогать веко.

Я смотрю на друзей. У каждого из нас теперь есть какая-нибудь отметина. Клеймо Стаса. У меня шрам на глазу. У Сереги дырка в зубах и подожженный бок. У Ромы тонкая полоска шрама между бровями. У Антона сломанные пальцы, которые торчат в разные стороны рогатиной. У меня не было никакого особенного шрама, а теперь вот появился. Я не знаю, как на это реагировать. У меня нет никаких особенных мыслей по этому поводу.

Как к этому относятся родители? С ужасом, как и все нормальные родители. Но они даже не думают, что кто-то мог такое с нами сделать... намеренно. Мы умеем их обманывать. Мы еще дети... Подростки. Любим лезть куда нельзя. Этой любовью к приключениям и опасностям легко объяснить все наши шрамы.

Друзья садятся ко мне на койку.

– А мой батя говорит, что когда он на войне был, то ему пуля попала в глаз и вышла через ухо, – с умным видом вещает Рома.

Все задумываются. Серега пальцем в воздухе чертит траекторию воображаемой пули.

– Не, брешет, – уверенно говорит он. – Нет такой прямой, чтобы можно было войти в глаз и выйти через ухо. Да и еще так, чтобы глаз остался целым. А у твоего бати он целый.

Я усмехаюсь. Батя Ромы – человек-легенда. Мы все время слышим про него много странных историй.

Мы больше не обсуждаем мой глаз. Переводим тему разговора. Болтаем о чем-то нейтральном.

– Хочешь, фокус покажу? – спрашивает Серега. – У тебя есть ручки? Мне нужно

много...

– Много нет, – говорю я. – Штуки две наберется.

– Эх, жалко, – огорченно протягивает он. – А то я хотел тебе показать, сколько я стержней могу в свою дыру запихать. У Игорька щель между зубов с детства, так он в нее тройк стержней запихивает. Я ему всегда дико завидовал. Зато сейчас, когда у меня дыра появилась, знаешь, сколько туда стержней могу засунуть? Семь! Представляешь? Я Игорька обошел!

Сергеа гордо улыбается.

– Ты крутой, – усмехаюсь я. – Да, семь стержней – это действительно великое достижение!

Друзья хихикают. Сергеа обиженно поджимает губы.

– Вы просто не понимаете! Вот если б у вас зуба не было, тогда б вы поняли, как это круто! Я свистеть знаете как громко могу? И четыре ноты беру...

Он глубоко вдыхает. Ромка тыкает ему пальцем в живот. Сергеа сдувается, как воздушный шарик.

– Эй, ты чего?

– Мы в больнице все-таки. Тебя сейчас выгонят, если ты свистеть начнешь.

– Ну ладно, тогда когда на улице будем, я тебе покажу, как я свистеть научился, – говорит мне Сергеа.

Я киваю.

В палату входит медсестра.

– Скоро тихий час. Посторонних прошу удалиться.

– Ладно, мы пойдем. – Мальчишки встают с койки. Рома хлопает меня по плечу.

– Не скучай, гасконец, сегодня уже дома будешь. Я киваю.

Они уходят. Мама с дядей Костей приезжают за мной после тихого часа. Мама обхватывает ладонями мое лицо и целует.

– Ну, с глазиком все в порядке, – говорит она. – Если ты захочешь, то можно потом подтяжку сделать.

Я киваю.

– Да, врач уже сказал мне.

Я с наслаждением переодеваюсь в джинсы и рубашку. Надеваю кеды. Дядя Костя подхватывает мою сумку. Мама на ходу засовывает в файл кучу справок и бумаг. Мы выходим на улицу. Я щурюсь от яркого света. Такое ощущение, что я месяц провела в мрачном подземелье. Дядя Костя открывает мне дверь машины, я сажусь в нее. Прижимаюсь лбом к холодному стеклу.

Дома меня встречают бабушка с дедушкой. Вся семья собирается за ужином. Щекотливую тему обходим стороной. Все пытаются меня подбодрить. Дядя Костя рассказывает веселые истории. Я зачерпываю ложкой суп и смеюсь. Напряжение потихоньку покидает меня. Все возвращается в свою колею.

Я ухожу спать. Ложусь на свою кровать, накрываюсь одеялом. Закрываю глаза, вдыхаю родной запах. И словно сверлом в голову врезаются воспоминания. Сильно прикусываю краешек одеяла. Так, что скрипит на зубах синтепон. Кричу. Кричу так громко, что вот-вот наружу вырвутся голосовые связки. Но одеяло во рту заглушает мой крик.

Они были из тех мальчишек, которые в семь лет ткнут вас горячей палкой, если вы не отдадите им мячик. В пятнадцать они попросят у вас мелочь, и если вы откажетесь, то только Бог сможет вас уберечь. Но мы этого не знали. Мы раньше никогда не имели дела с такими людьми и потому не боялись их. И даже не знали, что их надо бояться. Мы подошли к костру. Резкий запах клея стал почти невыносимым.

– Круч, – протянул руку парень, который первый заговорил с нами.

– Тома, – я пожалала его горячую сухую ладонь. – Что это за странное имя – Круч?

Он хохотнул.

– Это кличка. Так сказать, боевое прозвище. Так прозвали за то, что я в драках суставы круто выкручиваю. А так меня Димоном звать. Но вы зовите меня Круч.

– Стас, – пожал ему руку Стас.

Остальные ребята тоже поздоровались с нами. Они стояли вокруг костра. Выглядели мальчишки довольно странно. Один весь был весь в прыщах, у второго голова была слишком большая и круглая, у третьего не хватало переднего зуба. На них на всех была грязная одежда. Возле костра валялись пустые бутылки, пакеты и тубики.

Я отвела взгляд от странных ребят. Подошла ближе к огню и почувствовала, как по всему телу стало разливаться приятное тепло. Замерзшие руки начали постепенно отогреваться.

– Сколько вам лет? – Круч повернулся к нам.

– Ей двенадцать, мне тринадцать, – ответил за нас Стас.

– Но тебе еще не тринадцать! – возмутилась я. – Будет только в декабре.

Круч хохотнул.

– У-у-у, малышня.

– А тебе-то самому сколько? – хмыкнул Стас. Стас был выше него.

– Тринадцать. Уже исполнилось, – ответил Круч и высокомерно посмотрел на Стаса. –

Где вы живете, Слав?

– Я Стас.

– Где вы живете? – Круч проигнорировал поправку.

– На Заречной улице, – ответила я.

Стас тут же ткнул меня локтем в бок. Я стыдливо опустила глаза. Я не должна была вот так сразу выкладывать этим незнакомым ребятам какие-либо сведения о себе! Что я наделала... Круч заметил этот тычок. И снова злобно взглянул на Стаса. Он ожидал, что мы в ответ спросим, где живут они, но Стас промолчал. А я побоялась спрашивать. Но Круч сам нам сказал.

– А мы за питомником живем. Ну, знаете, там такие бараки двухэтажные? Вот мы оттудова. Прости, я снова забыл твое имя... Славик?

Круч дерзко посмотрел на моего друга. Что-то мне не понравилось в этой игре. Он не мог не запомнить имя Стаса, просто не мог. Он делал это специально, но зачем? Чтобы показать свое первенство? Показать нам, что в установленной им пирамиде иерархии мы находимся в самом низу и наши имена запоминать не имеет смысла?

– Я Стас.

– А вы где учитесь, Тома и Ста-ас-с? – Круч растянул имя, явно издеваясь.

Он спрашивал нас обоих, но смотрел только на меня. Я вопросительно посмотрела на

своего друга, глазами спрашивая разрешения ответить. Круч встал между нами. Хохотнул.

– А что это ты все время на него смотришь? Он что, папка твой? Сама отвечай, когда тебя спрашивают.

– Не дави на нее, – Стас защищал меня. – Не хочет отвечать, значит не будет.

– А что это ты у нас тут решаешь, кто отвечает, а кто нет? – Круч сощурил один глаз. – Я тут главный. И я решаю, кому давать слово, а кто будет молчать. И что-то мне подсказывает, что девчонка твоя хочет с нами говорить, а вот ты нет. А ну отвечай, – он грубо обратился ко мне, – из какой вы школы?

Это было похоже на допрос. Я была уверена, что ему все равно, где мы учимся. Ему просто нужно было добиться ответа. Показать Стасу, что здесь все будет идти по его правилам.

– Из второй, – пискнула я, низко опустив голову. Круч удовлетворенно улыбнулся.

– Вот то-то. Знаешь ли, – сказал он Стасу, – это не очень-то вежливо – мы пригласили вас в наше место. Предложили погреться, а вы ведете себя так, как будто мы враги. Приличные гости так себя не ведут.

Мальчишки разразились дружным хохотом. Мне стало не по себе.

– Расскажи нам, как вы здесь оказались? Одни, в лесу? – И снова взгляд был адресован мне.

Я больше не искала глазами Стаса. Смотрела в землю.

– Мы здесь не одни. Здесь еще наши друзья.

– И где же они?

– Где-то в лесу. Мы... Разделились...

– Сколько ваших друзей?

– Девять.

– Хм... и сейчас вы не знаете, где они?

– Нет.

– То есть сейчас никто не знает, что вы находитесь здесь? Этот допрос меня смущал. Зачем ему знать все это?

– Нет, – машинально ответила я и тут же пожалела об этом. Мне захотелось уйти как можно скорее.

– Может быть, пойдем? – спросила я Стаса.

– Пойдите с нами еще минут пять, – Круч положил руки на мои плечи. Я вздрогнула. – Вы еще не прогрелись.

Мы остались, потому что было неудобно уйти.

Мальчишки стали наматывать на палки пакеты и совать их в костер. Пакеты съеживались, их охватывало голубое пламя. Расплавленный целлофан стал капать в костер. Они стали замахиваться друг на друга горящими палками, окатывая друг друга брызгами плавленных пакетов.

Мальчишки были какие-то чудные. Они делали резкие движения, смеялись как-то странно, смех выходил каким-то дерганым, как и их обрывочные фразы, которые не всегда можно было понять.

Один из ребят посмотрел на Стаса и криво усмехнулся.

– Мне не нравится твоя куртка! Она слишком чистая! – сказал он и замахнулся на Стаса палкой.

Капли расплавленного целлофана попали Стасу на куртку.

– Эй! – возмутился он и поспешно стал стирать капли. – Ты что, с ума сошел? Ты вообще думаешь, прежде чем что-то сделать?

– Что ты сказал? – взбрыкнул тот.

Я вся сжалась. Мне не хотелось ссориться с этими взрослыми ребятами.

– Спокойно, Быра, – Круч похлопал его по плечу.

– Но, Димон, он назвал меня сумасшедшим! И тупым! – парень все еще пытался кинуться к Стасу.

– Я не говорил, – поспешно сказал Стас. Ему тоже не хотелось конфликтов. – Я сказал, что прежде чем что-то сделать, надо подумать.

– Нет, – Круч серьезно посмотрел на Стаса, – ты ясно дал понять, что считаешь Быру тупым и недалеким.

– Но я вовсе не считаю...

– Но ты СКАЗАЛ это. Это ТВОИ слова, – Круч улыбался, и мне не нравилась его улыбка. Он вел какую-то жестокую словесную игру, смысл которой я не понимала.

– Тома, мы уходим, – Стас потянул меня за рукав. Я быстро сделала шаг прочь от костра. Я уже согрелась, а странные забавы этих грубых мальчишек мне не нравились. Мне хотелось побыстрее убраться оттуда.

Круч встал прямо перед нами.

– Мы что, слишком тупые и слишком ненормальные для общества такого важного ферзя, как ты? – он гневно сверкал глазами.

Стас сжался.

– Нам пора... Домой, – сказал он. – Спасибо, что разрешили погреться.

Он сделал шаг вправо, чтобы обойти Круча, но парень преградил ему дорогу. Я спряталась за Стасом. Круч улыбался своей коричневой улыбкой.

– Уходите? А я вас отпускал?

От этих слов Стас замешкался на некоторое время.

– Нам пора. Нам надо домой. Родители будут беспокоиться. Парень ухмыльнулся.

– Родители? Ха! У вас нет родителей!

Я вцепилась Стасу в куртку. Что значит нет родителей? Что он такое говорит?

Остальные ребята отошли от костра и обступили нас со всех сторон. Мы оказались в центре круга. Они все смотрели на нас, ничего не говорили и улыбались своими странными улыбками.

– Как нет? – тихо спросила я.

Круч посмотрел на меня. Его взгляд обжигал. Я поежилась. Его глаза казались мне сначала такими добрыми, но сейчас я видела глаза чудовища.

– Так нет, – передразнил он меня. – Вы их больше не увидите. Никогда. Сегодня отправляется наш корабль, и мы берем вас с собой. Ну, вообще-то ты мне не нужен, – он ткнул пальцем в грудь Стасу. – А вот ее мы оставим себе. Мы вместе уплывем на корабле. – Круч схватил меня за куртку и потянул на себя. Я взвизгнула.

К горлу подступил предательский комок. Он говорил так уверенно, что я поверила его словам. Даже не задумывалась о том, что это может быть шуткой. Я всхлипнула.

– Нет! Нам надо домой! Я не хочу на корабль, Стас, скажи им...

– Мы уходим домой. Вместе, – твердо сказал он. – Вы никуда ее не заберете.

Монстр подошел близко к Стасу и выдохнул ему в лицо:

– Ты мне не нравишься. Мне не нравится, как ты смотришь на меня. Ты слишком наглый

ферзь. Наглых ферзей мы не любим. Так что проваливай. А девчонка останется с нами.

Стас толкнул его.

– Мы уходим! – выкрикнул он.

Кто-то из чудовищ подошел сзади, схватил Стаса за плечи и резко потянул назад. Стас упал на землю. Этот монстр. Зверь. Нечеловек подошел и наступил ему на грудь ногой.

– Ты будешь. Делать. То. Что. Я. Прикажу. Тебе. Понял? Я заплакала.

Зверь обернулся и с яростью посмотрел на меня.

– Заткнись! А не заткнешься, я привяжу тебя за волосы к дереву, а ночью вороны выключают твои глаза.

От его страшных слов я замолчала, закрыла лицо руками. Мне хотелось кричать, кричать так громко, чтобы слышали наши ребята. Они же где-то там, в лесу... Они должны спасти нас от этих страшных людей. Но я молчала. Прикусила губу, чтобы крик невольно не вырвался наружу. Перед глазами стояла ужасная картина – вороны клюют мое тело. Стас лежал на земле не шевелясь. Мне так хотелось, чтобы это все оказалось игрой. Чтобы сейчас они лопнули на груди Стаса пакетик с краской и сказали спасительные слова: «Ты убит. Иди домой». Я была согласна даже на то, чтобы меня взяли в плен. Я с радостью рассказала бы им, где находится наш лагерь.

«Ты убит. Иди домой» – это все, чего я хотела. Я молила Бога о том, чтобы враги сказали эти слова. Но они молчали. И пакетика с краской больше нет на груди. Он валяется где-то в кустах.

Монстр. Зверь. Чудовище обвело властным взглядом своих друзей.

– Враги на нашей территории. Что мы будем с ними делать?

– Мы не враги, – пискнула я.

– Вы на нашей территории. Все свои здесь. Значит, вы чужие. А все чужие – враги. Вы без разрешения пришли сюда, и поэтому вас ждет наказание. Ну? Тоха, Игнат, Быра, Червяк? Как мы расправимся с врагами?

Я задрожала и села на корточки возле лежащего Стаса. Он сделал попытку подняться, но Круч снова отправил его на землю.

– Повесим их! Сожжем их! Порежем им вены! – раздавалось со всех сторон. Мальчишки обступали нас плотнее. В руках у них были палки.

Они смыкались над нами вопящим кругом. Вопли, визги, стук палок о землю. Кольцо сжалось настолько, что, несмотря на холод, мне стало очень душно, не хватало воздуха. Парень справа больно ткнул меня в бок, а слева кто-то дернул мне за волосы. Я задрожала от страха и зажмурилась.

Они тоже играли, как и мы. В игру наподобие нашей войнушки. Но их игра была страшной. И гораздо более жестокой.

– Пожалуйста, отпустите нас, – тихо просила я.

– Чего она там пищит? – недовольно буркнул Круч. – Громче!

– Отпустите нас! – сказала я громче, но голос все равно получился каким-то слабым.

– Отпустить? Ну, уж нет! Мы сейчас поиграем в одну интересную игру. Вставай!

Круч и еще один парень грубо подняли Стаса с земли. Он смотрел на них гордо, с ненавистью. Не издал ни единого звука. Круч держал Стаса за куртку.

– Ты мне не нравишься. Ты слишком много о себе думаешь. Слишком гордый. Я сказал тебе идти, а ты остался. У тебя был шанс, но ты его упустил. А ты... – он посмотрел на меня.

– Я не гордая, честно! – в слезах проговорила я. Мне не хотелось злить их.

– Докажи! – Монстр улыбнулся. Я растерянно хлопала глазами.

– Как?

– Встань на колени!

Я замешкалась на пару мгновений. Мне не хотелось угодать ему. Я видела по глазам Стаса, что он тоже не хочет, чтобы я делала это. Но я очень боялась, что мне сделают больно, если я не подчинюсь.

Я встала на колени. Стыдливо смотрела в землю.

– Послушная девочка! Молодец! – сказал Круч. Мальчишки хохотнули.

– Вы двое – друзья? – спросил он, пронзая меня злобным взглядом.

– Друзья. – Мне было страшно смотреть на него. Я сидела на земле, мне было страшно подниматься на ноги. Мальчишки возвышались надо мной, как страшные великаны.

– Спорим, что нет!

Я удивленно подняла глаза.

– Но мы правда друзья! Мы лучшие друзья!

– На что вы готовы пойти друг ради друга? А, отвечай? – Круч сильно встряхнул Стаса.

– Не знаю... На все, – нехотя ответил он.

– На все, говоришь... – Круч задумался. Почесал затылок. А затем на его лице появилась хитрая улыбка. – Поиграем в ката в мешке!

Я испуганно сжалась в комочек. Вдруг кто-то сзади резко схватил меня и что-то натянул мне на голову. Стало темно. Я закричала и попыталась снять это. Руки нащупали гладкую поверхность пластикового пакета.

– А ну не ори! – раздался рядом сердитый голос. – Это всего лишь пакет. Будешь орать, я завяжу его, и ты не сможешь дышать. Так что убери руки.

Я послушно убрала руки от головы и замерла. Сидела на земле с пакетом на голове, ничего не видела вокруг. В пакете было жарко и плохо пахло. Я жадно глотала воздух.

– Пустите ее! – раздался крик Стаса. Я услышала звуки борьбы.

– Что ты сделаешь ради своей подружки? – кричал ему в ответ Круч.

– Отпусти ее! Ты пожалеешь об этом! Я найду тебя! Найду тебя везде!

– А ну заткнись. Ты нарушаешь правила игры. Что ты сделаешь ради своей подружки? Давай проверим? Ты будешь выполнять наши приказы, а если не будешь, то твоей подружке будет больно. Начнем нашу игру.

Мне заломили руку за спину. Я пронзительно завизжала.

– Вот так. Это чтобы ты понял, что мы не шутим. Чтобы такое интересенькое придумать... О, придумал!

Я услышала звук бьющегося стекла.

– Ешь стекло! – раздался зловещий голос.

– Не буду! – упрямо ответил Стас.

– Ах, не будешь? Ну, тогда...

Меня с силой потащили куда-то. Стало очень жарко, пакет прилип к лицу. Костер! Они толкали меня в огонь! Я закричала. Я чувствовала, как плавится пакет. И мне казалось, что плавится кожа на моем лице. Резкий запах жженой пластмассы забился в нос.

– Пустите ее!

Подручные Зверя отпустили меня. Я отошла назад и упала. Услышала звуки борьбы. Пакет облепил мне лицо, стало невыносимо трудно дышать, я схватилась за него руками и потянула вниз. Соскрестила пальцами с лица наполовину расплавленный целлофан.

Стаса держали двое. Круч стоял перед ним.

– Ну? Ты будешь есть стекло? Или нам снова поджарить твою подружку?

Стас растерянно посмотрел на меня, прося поддержки. Я потупила взгляд. Я не знала, что ему ответить.

– Ешь стекло! Ешь! Ешь! Ешь! – загалдели мальчишки. Снова над нами сомкнулось жуткое кольцо.

– Ешь стекло! Ешь стекло! – вопили чудовища.

Стас медленно подошел к кучке осколков на земле. Его взгляд был пустым. Со стороны невозможно было угадать его эмоции. Но я знала, что ему страшно, очень страшно. Этот его взгляд я видела впервые. Стас первый раз в жизни оказался в ловушке, из которой не выбраться. Дрожащей рукой взял одно из стеклышек, посмотрел на него, раздумывая. Потом засунул в рот. Я услышала хруст. Мальчишки радостно завопили. Стас выплюнул стекло вместе с красным сгустком слюны.

– Не буду! – жарко выкрикнул он. Взгляд снова стал дерзким. – Вы ничего ей не сделаете. Вы не посмеете ее тронуть. Вы просто пугаете нас.

Круч стал ходить из стороны в сторону.

– Ты прав. Мы не тронем твою подружку. Мы даже можем ее отпустить.

Я с надеждой подняла глаза. Что он сказал? Отпустить меня?

– Да, да! – Зверь посмотрел на меня. – Я отпущу тебя. Только ты сделаешь одну вещь.

Я была готова на все что угодно! Я поднялась на ноги.

– Что нужно сделать? – спросила я.

Зверь взял пустую бутылку, разбил ее о камень. Протянул мне горлышко с острыми краями.

– Порежь ему вены! И мы тебя отпустим.

– Что? – спросила я, решив, что ослышалась.

– Перейди на нашу сторону. Он враг. Его нужно наказать. И это сделаешь ты. А если не сделаешь, то я очень сильно рассержусь на тебя.

Я задрожала. Трясущимися руками взяла горлышко.

Они схватили Стаса, задрали ему рукава по локоть и выставили вперед руки.

– Ну же, смелее! – Круч подталкивал меня в спину.

Я смотрела на Стаса, но он отвел от меня взгляд. Что же мне делать? Мне было так страшно, что было не до чести и совести. Главное, чтобы мне не делали больно. В тот момент мне было все равно, что произойдет со Стасом.

Но я провела по его запястьем тупой стороной стекла... чтобы не причинить боли. Круч увидел это и разозлился. Отобрал у меня стекло и выбросил его.

– Ты делаешь все неправильно! Одно слово – девчонка... Девчонки ничего не могут сделать нормально. От них одни сопли и слезы.

Он толкнул меня, я упала на землю и заплакала. Круч склонился надо мной.

– Ладно, не реви. Посмотри на меня, девочка. Ты дрожишь? Не бойся. Мы не трогаем послушных маленьких девочек.

Я подтянула колени к груди и тихо всхлипывала. В голове крутилась единственная мысль: «Не трогайте меня. Не причиняйте мне боли!»

Он погладил меня по голове.

– Твой друг слишком грубый, его надо научить хорошим манерам. А ты иди. Ты послушная девочка, а послушных девочек мы отпускаем.

Я подняла на него глаза. Он... Отпускает меня? Просто так? Я не верила своему счастью. Я с беспокойством посмотрела на Стаса, которого все еще держали за руки.

– Мы отпустим его... чуть позже, – чудовище проследило за моим взглядом. – Поиграем с ним и отпустим. Мы просто пошутим. Ничего ему не сделаем. А ты иди.

Он склонился над моим ухом и прошептал:

– Но если ты кому-нибудь скажешь о том, что увидела, мы убьем его. А потом я приду на твою улицу, найду тебя и разрежу тебе живот, вот здесь, – монстр дотронулся до моего живота, – и выпущу тебе кишки. Я намотаю их на забор, и птицы будут их клевать. Иди, девочка.

Я вскочила на ноги. Я все еще не верила, что свободна. Мне казалось, что этот кошмар никогда не кончится.

«Ты убит. Иди домой».

Я повернулась и побежала. Я даже не посмотрела на Стаса. Мне было все равно. Я думала только о своей свободе.

– Беги, крольчишка! Беги, да не оглядывайся! – кричали мне вслед.

Я побежала в лес. Бежала изо всех сил – а вдруг эти страшные люди передумают? Я бежала в самую густую чащу, чтобы меня не смогли найти. Я спотыкалась о корни, падала, снова поднималась и бежала. Зубы стучали. Удары сердца пульсировали в висках. Я не думала о том, что сейчас происходит с моим другом. Я думала только о том, что мне удалось спастись, и это хорошо.

Когда я выбежала из леса в город, мне стало спокойнее. Здесь люди, они защитят меня... Я подумала о Стасе. Надо рассказать кому-нибудь... Но тут живот свело от страха. Они убьют меня и его, если я расскажу. Нет. Я буду молчать.

Я прибежала домой. Бабушка занималась своими делами и не видела, в каком я состоянии. Я вбежала в свою комнату, нырнула под одеяло с головой. Здесь мой дом. Моя крепость. Здесь никто меня не тронет.

Я проснулась. С удивлением осмотрела себя – я легла спать в одежде? Почему я не разделась? А потом я все вспомнила! Я вскочила с кровати, ринулась в ванную. Посмотрела в зеркало – лицо все черное, с налипшими кусочками целлофана. Я тщательно умылась.

– Тома, завтракать! – крикнула бабушка.

– Я попозже! – крикнула я в ответ. Быстро натянула джинсы и кроссовки и выбежала из дома.

Стас! Мой Стас! Я молилась, чтобы он был у себя. Добежав до его дома, позвонила в звонок. Вышла его мама. Лицо у нее было очень грустное.

– Тома, Стаса забрали в больницу, – печально сказала она.

– Что? Почему? – Сердце стало биться быстрее.

– Ох, ничего непонятно. Он пришел вчера весь побитый, говорит, напали на него. Ухо все в крови и в копоти... Молчит, ничего не объясняет. Мы с отцом перепугались и отвезли его в больницу. Непонятно, что с ухом его... Может быть, он вообще перестанет слышать. За что же нам такие напасти...

Мама замолчала. Ее глаза заблестели от подступивших слез. Она глубоко вздохнула, чтобы подавить рыдания и прийти в себя.

– Ты с ним случайно не была вчера?

– Нет, – быстро ответила я. – Мы не виделись вчера. Мама печально покачала головой.

– Я сейчас поеду к нему, поговорю с врачом. Хочешь, поедем вместе? Навестишь его? Он будет рад.

Я испуганно замотала головой.

– Я не могу сейчас, мне нужно уехать. Но я обязательно навещу его.

Я не хотела, чтобы Стас видел меня. Мне было стыдно за то, что я сбежала, и за то, что никому не сказала о том, что случилось.

– Это ужасно... Все, что с ним произошло, – сочувственно сказала я. – Тех, кто напал на него, еще не нашли?

– Нет, – мама покачала головой, – но мы подали заявление в полицию. Стас выйдет из больницы и подробно опишет этих хулиганов. Бедненький мой сыночек, – мама стала всхлипывать. – За что же нашей семье такое наказание?

Я пошла домой, думая о том, что сказала мне мама Стаса. Он в больнице... Неужели они сделали с ним что-то плохое? И что с его ухом? Когда я была там, с ухом было все в порядке. Но Стас пришел домой – это хорошо. Значит, они отпустили его. Это успокаивало меня. Он выйдет из больницы здоровый, мы забудем об этом, и все будет, как раньше.

По дороге я встретила ребят из нашей компании.

– Тома! А мы к тебе заходили. Мама Стаса сказала, что он в больнице. Почему? Мы ничего не понимаем. Куда вы вчера делись? Что произошло?

Мальчики обступили меня.

– Я не знаю, что произошло, – соврала я. – Вчера мы разделились.

– Но ты тоже, как и Стас, куда-то пропала! – Виталик подозрительно смотрел на меня.

– Я споткнулась о корень и упала. Пакетик с краской лопнул, – придумывала я на ходу. – Мне пришлось идти домой, а то все бы считали, что кто-то меня убил, а я всех обманываю. Так что я ушла, а сегодня утром узнала о том, что Стас в больнице.

– Его мама говорит, кто-то побил его. Не представляю, кто и где! В лесу? Кто?

Мальчишки печально переглядывались.

– Ух и попадутся нам те, кто это сделал! – Виталик погрозил кулаком дереву. – Мало им не покажется!

– Да, это точно. – Я испуганно смотрела на огромные кулаки Виталика.

Мы разошлись по домам. Никто так и не узнал, что я была в те страшные минуты со Стасом вместе.

Я каждый день подходила к дому Стаса, звонила в звонок и спрашивала, когда его выпишут.

Стас вышел из больницы только через полторы недели. Когда я в очередной раз стояла у дома Стаса, его мама сказала, что он ушел к ребятам. Я догадывалась, где они, и побежала к Бункеру. Я увидела Стаса и его друзей у Бункера.

– Стас! Стас! – закричала я и бросилась к нему. Но что-то задержало меня, я остановилась в двадцати шагах от ребят.

Правое ухо Стаса было плотно забинтовано. На руках и лице – заживающие ссадины.

Все смотрели на меня. Стас – с ненавистью. Остальные – с презрением. Они молчали, стояли в линию и молчали. Я испугалась, отступила назад. Стас сделал шаг в мою сторону.

Я не узнавала своего друга. Он смотрел на меня со злобой. Лицо его было серьезным. Раньше он всегда улыбался, а сейчас его губы плотно сжаты. Казалось, что он повзрослел на несколько лет. Его глаза стали совсем чужими. В них мелькало какое-то странное, незнакомое мне выражение. Глаза горели бешеным огнем.

– Стас... – очень тихо прошептала я его имя, не зная, что еще сказать.

– Я ждал. А ты не пришла. Где ты была? – строго спросил он.

– Я ушла домой, – виновато ответила я. Опустила взгляд. Стала нервно перебирать пальцами прядку волос.

– А я ждал тебя. Думал, ты позовешь на помощь. Я долго ждал. Он замолчал.

– Прости... – пролепетала я. – Мне было так страшно, они так сильно напугали меня, что я...

Я запнулась. Не могла подобрать слов.

– Что ты – что? – Он дерзко смотрел на меня. – Убежала домой? Спряталась? Забралась под одеяло? Легла спать?

– Прости, Стас... – Мне было очень стыдно. Я не могла смотреть ему в глаза. – Но они правда сильно напугали меня...

– Напугали ее, фу-ты ну-ты, – он передразнил меня. А потом подошел ко мне и стал шептать мне в ухо. Он говорил тихо, с какой-то бездушной отстраненностью. Говорил все быстро, одним предложением, не делая пауз между фразами.

– Они сняли с меня куртку и сожгли ее и поливали меня водой из ручья а я ждал тебя думал вот-вот ты появишься и приведешь помощь но тебя все не было а потом они сказали мне есть землю я отказался и тогда они воткнули мне в ухо горящую палку я кричал и упал на землю и они били меня палками я ждал тебя надеялся что ты придешь и ты могла бы меня спасти врач сказал что у меня лопнула барабанная перепонка и теперь я не могу слышать на одно ухо.

Он замолчал.

От услышанного я не могла пошевелиться. Не могла сделать вдох, настолько шокирующими были произнесенные им слова.

Сумасшествие – страшная штука. Сошедший с ума человек не виноват в том, что в один момент он взял да сошел с ума. Сумасшествие не выбирают. Не принимают его, как какую-нибудь новую черту своего характера. Сумасшествие – это болезнь. Болезнь в голове. Жуткая. Ужасная болезнь. Она разрушает мозг. Съедает его. Сумасшедших людей нельзя ненавидеть, потому что они не виноваты в том, что с ними произошло.

Все это я говорила себе на протяжении последующих лет.

Что-то произошло в мозгу Стаса. Что-то сломалось. Может быть, если бы его мама заметила это сразу и обратилась к врачу, то удалось бы вернуть прежнего Стаса. Но она не видела серьезных изменений. Да, он стал другим. Но эти перемены казались естественными, ведь ему столько пришлось пережить...

Стас не был похож на сумасшедшего в том понимании этого слова, которое было мне привычным. Он просто стал чужим.

– Я ждал, когда ты позовешь на помощь и вернешься. Но тебя все не было. Ты просто сбежала, и все. Мне удалось вырваться от них. Они не стали догонять. Это ты во всем виновата! – крикнул он мне в ухо.

– Прости, Стас. Да, я виновата, прости меня, пожалуйста, – я говорила тихо. Обхватила себя руками, низко наклонив голову.

Я и только я была виновата во всем. Не проходило и дня, чтобы я не корила себя за свою трусость. Это я сломала Стаса. И только я виновата в том, что он потом сломал меня.

– Слишком поздно, – серьезно сказал он. Я подняла голову. Что означают его слова?

Он смотрел на меня по-новому. Этот взгляд не нравился мне – жестокий и презирающий взгляд.

– Это ты во всем виновата. Я хочу, чтобы ты умерла. От его слов желудок сжался в комок.

Лицо Стаса было белее мела. Остальные мальчики стояли поодаль и смотрели на меня, нахмурившись. Значит, они все знают. Стас уже все им рассказал.

Он тихо сказал:

– Тома... Ты не представляешь, как ты меня подвела. Я думал, мы друзья, а друзья не предают друг друга.

– Прости меня... – прошептала я в ответ. Стас покачал головой.

– Уже не имеет значения.

И тут он резко толкнул меня. Я упала, больно ударилась о землю и закашлялась. Перед глазами – оранжевая темнота. Он наклонился надо мной. Прошепел у самого уха:

– Ты сделала мне больно. Очень больно. Ты предала меня. Бросила меня там... Но я отомщу. Я причиню тебе такую боль, которую ты никогда в жизни не испытывала. – Вставай! Встань перед своим командиром, солдат! – приказал он мне и грубо поднял меня на ноги. Властно посмотрел на меня.

– Солдат, – вдруг обратился он ко мне командирским тоном, – ты обвиняешься в измене против своего командира. Ты предала свою стаю и навсегда изгоняешься из «Степных койотов».

Он дернул меня за футболку и выдрал значок. Золотистая звезда с красным камешком упала на землю.

Он посмотрел на меня. Его взгляд поменялся. Он сейчас больше не был моим командиром. Этот взгляд принадлежал моему другу. Он был маленьким мальчиком, которого предали.

– Том... Ты была моим лучшим другом, – тихо сказал он, и голос его был полон боли и обиды.

Он замолчал. Потом снова заговорил, но уже совершенно другим голосом, холодным и резким:

– Теперь ты мой враг. Мой тебе совет – убирайся отсюда. Проваливай. И на глаза мне больше не попадайся. Если ты нам попадаешься – мы убьем тебя. А если ты кому-нибудь скажешь, я поймаю тебя, разрежу тебе живот и вытащу твои кишки!

Я задрожала от его слов. Это были не его слова. Они принадлежали Зверю. Монстру. Нечеловеку. А теперь Стас повторял за ним.

Он свистнул, и ребята стали подходить к нам. В руках у них были камни.

– Проваливай, предательница! – закричал Стас. Голос срывался. Стас первый бросил в меня камень. Он попал мне в руку, и ее обожгло как огнем. – Пошла прочь! Проваливай!

Я посмотрела на тех, кого считала своей стаей. Взглянула на Стаса, потом на своих друзей... в последний раз. Он смотрел на меня и видел во мне только предательницу. С трудом волоча ноги, я поплелась прочь. В меня полетели камни. Ударами мне обожгло бока, спину, ноги. Камни попадали в руки и голову.

Я слышала, как кричал Стас. Его голос был насквозь пропитан болью.

Я ушла. Побитая, униженная, изгнанная.

Я еще много раз увижу его. Он будет преследовать, травить меня. Идти по моим следам. Но это уже не мой друг. Теперь он мой враг.

Я брела по улице, ничего не видя вокруг от слез. В голове – мрачная пустота. Я не знала, сколько прошло времени – десять минут, час два. Я шла по улицам, не соображая, куда иду и зачем.

Я много думала о том, откуда вдруг у Стаса возникло столько ненависти именно ко мне, а не к своим мучителям. А потом поняла. Он взрывался изнутри. Ему нужно было кого-то обвинить, вылить на кого-то свою злость, свою ярость. Он не мог найти тех, кто сделал это с ним. Его родители обратились в полицию, но напавших на него так и не нашли. А Стасу было жизненно необходимо кого-то ненавидеть. И он сделал меня виноватой. И, чтобы как-то оправдать свою ненависть, сам поверил в то, что я виновата во всем, что с ним случилось.

Я подошла к своему дому, когда уже совсем стемнело. Дома меня ждала бабушка. Она что-то обеспокоенно говорила мне, но я молча ушла в свою комнату, заперла дверь. Опустилась на корточки и тут увидела, что окно в мою комнату открыто. Это странно – я закрывала его, когда выходила в последний раз. Я посмотрела на кровать. И все внутри похолодело. Я встала, не отрывая взгляда от кровати. А точнее, от того, что там увидела.

Кролик. Пушистый кролик. Моя Умка.

Я как будто вошла в пол. Вошла глубоко-глубоко, под почву, меня протащило через земную кору, затем я проникла в мантию. Дальше, пройдя через расплавленное ядро и снова через мантию и кору, вышла на ту сторону. Где была та сторона? Наверное, я плескалась в холодных водах Тихого океана. Но не успела я вдохнуть побольше воздуха, как меня снова потащило вниз, на глубину, обратно. И вот я снова здесь. Вышла из-под земли.

И все это за несколько секунд.

Умка лежала на подушке, укрытая одеялом, виднелась только голова... Она не шевелилась... Не дышала... Возле нее на подушке лежала записка. Я медленно потянулась к ней. Развернула.

КРОЛИК НЕ МОЖЕТ УСНУТЬ. СПОЙ ЕМУ КОЛЫБЕЛЬНУЮ. СПОЙ, СПОЙ! СПОЙ

КОЛЫБЕЛЬНУЮ ДЛЯ КРОЛИКА!

Я узнала этот почерк. Я знала только одного человека, который писал бы так. Буквы заваливались влево, а не вправо.

Стас.

Он задушил Умку.

Рядом валялась бельевая резинка. Та самая, в которую мы играли в детстве.

И я закричала. Я кричала так громко, что практически оглохла от собственного крика. В мою комнату стала ломиться бабушка.

– Тома! Тамара, открой дверь! Тома, что случилось? Томочка, прошу тебя, открой дверь!

Но я не открыла. Я бросилась к шкафу и принялась яростно выгребать из него вещи. Достала из-под кровати чемодан, открыла его, стала бросать туда одежду.

«Я больше не останусь в этом городе ни на минуту», – решение пришло мгновенно. Я делала резкие, сумасшедшие движения. Бросала в чемодан одну вещь за другой.

Я не знаю, нашла ли бабушка вторые ключи или просто выломала дверь. Я была слишком увлечена вещами. Она вбежала в комнату.

– Я не останусь здесь! – кричала я. – Я переезжаю в Москву! Бабушка усадила меня на кровать и обняла.

– Тш-тш-тш. – Она укачивала меня, как маленькую.

Она спрашивала, что произошло. Я не отвечала. Она видела, что случилось с Умкой. Но у нее не возникло подозрения, что это мог кто-то сделать. Она просто решила, что Умка умерла по какой-то «своей» причине. Может быть, подавилась, а может быть, чем-то болела. Она подумала, что это я от помутнения рассудка уложила ее на кровать и накрыла одеялом. Записку я спрятала.

Я больше не ходила в школу. Кричала маме по телефону, что не хочу здесь больше оставаться. Мама забрала документы и увезла меня в Москву.

Я поступила в новую школу. В новой школе у меня было не так много друзей – тяжело вливаться в коллектив, когда ты новенькая, а все вокруг дружат уже давно. Они просто не замечали меня. Максимум, что я могла получить от них, – беглый, равнодушный взгляд. Было очень обидно. Я задумалась – относилась ли я к новеньким так же, когда училась в своей старой школе? Скорее всего, да. Потому что я совсем не помнила новеньких своего старого класса.

Но все равно я была рада и переезду, и новой школе. Я далеко от всего этого кошмара. Здесь меня никто не тронет.

Мама с дядей Костей все так же продолжали ездить к бабушке на выходных. Но я отказывалась. Мне устраивали допросы. Выясняли, в чем причина моего изменившегося настроения и нежелания ездить в город, который раньше я просто обожала. Меня таскали по психологам, но все без толку. Я молчала как партизан. Родные решили, что дело в смерти моего любимца. Он умер там, в том городе, в моей комнате, и его смерть до того на меня повлияла, что я не могла больше находиться в бабушкином доме. Чтобы увидеть меня, бабушке с дедушкой самим приходилось ездить к нам.

Мама хотела купить мне нового кролика, но я категорически отказалась. Нет. Хватит с меня домашних питомцев.

Я старалась не думать о Стасе. Надеялась, что тогда, у Бункера, я видела его в последний раз. Как же я ошибалась... Мысли о нем упорно лезли в голову. А по ночам я просыпалась в холодном поту от ночных кошмаров. Я изо всех сил сжимала зубами краешек одеяла и

захлебывалась в беззвучном крике.

Мне снились монстры и чудовища. Они обступали меня со всех сторон и тыкали в меня горящими палками. А потом они исчезали. И появлялись кролики. Милые ушастые создания. Десятки и сотни серых кроликов. Они лежали в своих маленьких колыбельках и не могли уснуть. Они пищали, пищали, и этот писк сводил с ума.

Я пела им колыбельную, и кролики переставали пищать. Они умирали.

КРОЛИК НЕ МОЖЕТ УСНУТЬ.

СПОЙ ЕМУ КОЛЫБЕЛЬНУЮ.

СПОЙ, СПОЙ! СПОЙ КОЛЫБЕЛЬНУЮ ДЛЯ КРОЛИКА!

Время шло. Плохое постепенно стало забываться. И через полгода скрепя сердце я согласилась навещать своих прародителей. И мы стали ездить к ним на выходных, совсем как раньше, до школы. Мы ездили на машине. Каждый раз, когда машина останавливалась у дома бабушки, я открывала дверцу, в панике осматривалась по сторонам, быстро выбегала наружу и мчалась к калитке. Никаким образом я не хотела пересекаться со Стасом.

В Москве я так и не обрела друзей. Наученная горьким опытом, к дружбе я теперь относилась с большой опаской. Но я не скучала, так как с головой погрузилась в учебу. Быстро пробилась в ряды хорошистов. А потом и количество четверок стало уменьшаться и сократилось до трех. Четверки по русскому, биологии и истории. С русским у меня всегда была беда, а с историей и биологией просто не сошлись характерами с учителями. Они любили милых улыбочивых девочек, которые к ним подлизываются. И мое угрюмое лицо им определенно не нравилось.

Я стала ходить на балльные танцы. Это занятие меня очень увлекло. Я посвящала танцам много часов в неделю. Поначалу мне не очень нравилось – моим партнером по танцам была очень говорливая девочка, у которой сильно пахло изо рта. Но потом к нам пришел новенький мальчик, и его поставили в пару со мной. Мальчик мне понравился. Он стал моим партнером, потому что я была самая низкая в группе. А мальчик был на полголовы ниже меня.

Увлекалась я и чтением. Все вечера сидела за книгами, вновь и вновь переживая чужие жизни.

С Дашкой мы часто переписывались по Интернету. А когда я приезжала к бабушке, она приходила ко мне в гости. В хорошую погоду она звала меня погулять, но я отказывалась. И мы сидели в саду. Я звала ее в гости к нам в Москву, но она каждый раз огорченно говорила, что родители не отпустят ее.

По Интернету она сообщала мне основные новости – о себе, о классе в целом. И о Стасе. Позже, прочитывая историю сообщений, я с удивлением отметила, как же меняет нас время.

«Знаешь, Стас пришел в школу какой-то другой. Все это заметили. У него что-то с ухом, там огромный шрам. Смотреть противно. И говорят, что он этим ухом ничего не слышит. Правда, когда кто-то спрашивает его об этом, он очень злится. И сразу лезет драться. Поэтому его никто не спрашивает больше».

«Сегодня отменили биологию. Мы с классом первый раз играли в бутылочку. Гаврилов очень клево целуется. Он сильно вытянулся и похудел. Надо бы к нему присмотреться».

«Стас ходит по школе такой важный. Со своей свитой, как король. Ты знаешь, он один почему-то никогда не ходит. Всегда только в компании».

«Гаврилов подарил мне цветок. Было приятно, но он все еще пухляш».

«Знаешь, что сделал Стас? Сегодня в столовой он распихал всех ребят в очереди. А когда кто-то стал возмущаться, избил его. Родителей Стаса вызвали в школу, но ему ничего не сделали. А потом стали ходить слухи, что его папа оплатил новые занавески в трех кабинетах».

«Купила тушь для ресниц. Глаза сразу такие красивые стали. Только мама увидела, наругала. Теперь крашусь в школьном туалете. А после школы тоже захожу в туалет и все

СМЫВАЮ».

«Стас стал часто драться. Гонять других мальчишек. Он поступает подло – вместе с друзьями вдвоем-втроем нападают на одного. Один раз они так сильно мальчика побили, что родителей Стаса вызвали к директору. Его папа оплатил новый линолеум в коридоре».

«Девчонки стали брать у меня тушь. И помаду. Классная увидела это, наругала. Сказала моей маме, мама все отобрала. Жалко. Дорого стоило».

«Гаврилов предложил встречаться. Но мне нравится Королев, но Королев встречается с Тополевой. А Тополева такая огромная, и он думает, что она его побьет, если он с ней расстанется. Поэтому он боится. И он мне сразу разонравился. А Гаврилов... Даже не знаю... Сказала, что подумаю».

«Стас притащил бензин в школу. Налил его в унитаз, поджег. Они сняли на видео, как там все вспыхнуло. А потом он облил Королева и поджег его. До кожи не достало, куртку спалил. Его мамашка притащилась в школу, такой скандал закатила, ужас».

«Стас мучает нашего новенького. Новенький терпит, молчит. Запугал, видно, его. Мне его жалко – Ромка миленький пухляш».

«Стас так изменился внешне. Повзрослел. Стал очень симпатичным. Хотя он и раньше был симпатичным. Но сейчас прям очень повзрослел. Подрос. Если б не был по характеру таким придурком, от девчонок отбоя бы не было».

«Встречаюсь с Королевым. Он все-таки решился и бросил Тополеву. Но целуется он хуже Гаврилова, а Гаврилов до сих пор дарит тайком цветы».

«Купила первый лифчик. Мама хотела купить мне простой, без подушечек, детский, но я настояла, и мне купили взрослый, с подушками. Смотрится круто – в нем грудь прямо такими шариками. Все девочки завидуют. Теперь буду кофточки с вырезом покупать».

«В школе случился кошмар. Стас со своей бандой сегодня так одного бедного пацана довели, зажали его в кабинете химии, он взял и выпрыгнул из окна. Второго этажа. Это до какой степени нужно так бояться Стаса, что прыгнуть из окна показалось наилучшим выходом? Я не понимаю. Я много думаю об этом. Вызвали родителей обоих. Полиция заинтересовалась. И даже журналисты. Не знаю, чем кончится это дело, но папаша Стаса явно не отвертится одной покупкой новых интерактивных досок для школы».

«Дело замяли как-то. Стаса перевели в другой класс. Ну и слава богу – не могла его больше выносить. Прикинь, он мне по башке двинул. Уж не помню за что... Он обозвал меня шалавой, по-моему. Слово за слово и понеслось. А потом он рассердился и как двинет... Со всей силы. Было очень обидно. И, знаешь, когда говоришь с ним, он ведет себя странно. Вполоборота к тебе стоит. Повернувшись целым ухом. А то, которое со шрамом, – прячет».

«Порвала с Ковалевым. Гаврилов стал встречаться с Абрамовой, но я хочу его отбить».

«Ко мне подкатывает Опанасюк. Его все девочки обожают, но мне он не нравится. Не люблю тех, кто слишком популярный».

«У нас во дворе кто-то поджег машину. Ходят слухи, что это Стас. Потому что хозяин машины – какой-то мужик, а этот мужик за несколько дней до этого на Стаса наорал – они с друзьями костер делали у его гаража... Не знаю, правда или нет, но так говорят».

«Стас достает Ромку. И еще нескольких ребят. Тех, кто молчит и терпит. Стас чувствует, что они никому не скажут, и еще больше достает. Сегодня Ромка после физры пошел домой в шортах. Я шла рядом и спросила, где его форма. Он рукой махнул. А на следующий день все стали фотки друг другу кидать по телефону – а там на фотке чью-то форму в толчок запихали».

«Сегодня на улице ко мне подкатил какой-то дядька на машине. Чувствовала себя ужасно – было страшно. Он что, педофил?»

«Стас поступает ужасно. Он ловит бедных мальчишек, типа Ромки. Угрозами заставляет их делать плохие вещи на камеру – либо про себя говорить какие-то гадости, либо про кого-то. Одному мальчику на лбу нарисовали член и заставили его на камеру сказать какую-то чушь. Что он мистер член и бла-бла-бла. Мне кажется, это не смешно и глупо. Видео потом всем передалось. Но все смеялись. Какие же злые люди. А учителя Стаса немного жалеют. Из-за того, что с ним случилось. Видно, когда первый раз его родителей в школу вызвали за драку, они и сказали директору, что не ругайте нашего мальчика, он такое пережил... Вот и жалеют. Глаза закрывают. А потом папа его купит школе что-нибудь новое – так они и совсем забудут».

«Стас сделал татуировку. Прямо на ухе. Там, где шрам. Смотрится круто – вдоль уха вытатуирована акула. По Стасу все девки теперь сохнут. Девки любят плохих парней. А он этим пользуется – меняет их, как носки. Каждый день вижу, что он стоит с какой-нибудь девкой, а на следующий день она ходит по школе и ревет».

Стас, Стас, Стас... Из тысячи мыслей, каждую секунду вертевшихся в моей голове, его имя попадалось в девяностых девяности. И это пугало меня.

Таким образом я знала обо всем, что происходило в моей старой школе. О том, как кто растет, как все взрослеют и меняются. Как меняется Стас. Но я ни разу не видела его за три года моей жизни в Москве. Пару раз я видела фотографии, которые кидала мне Даша. Но смотреть на Стаса было выше моих сил. Накатывала волна разных чувств. И я перестала смотреть его фотографии.

Я думала, что больше никогда не вернусь к своей старой жизни. Но я ошибалась.

По телу пробежала дрожь. Я вздрогнула и проснулась. Вытерла об одеяло мокрые ладони. Опять этот кошмар. Он снился мне не каждый день. Может быть, раз в две недели. Или раз в месяц. Кролики умирали, когда я пела им колыбельную. Но я не могла не петь, потому что сходила с ума от их писка.

Я зашла в ванную и долго брызгала на лицо холодной водой. Это немного привело меня в чувство. На часах 5:30. В школу вставать не надо – самый разгар летних каникул. Еще полтора месяца – и наступит новый учебный год. Девятый класс.

Я подумала, что уснуть мне не удастся. Взяла какую-то книгу, вышла на балкон, не глядя открыла какой-то странице. Я прочитала уже пять страниц, и только потом поняла, что читаю шестую главу учебника по биологии. Размножение спорами. Хм. Чей это учебник? Свой я вроде бы сдала в библиотеку. Я закрыла книгу.

Долго ходила по комнате из угла в угол. Нервно теребила волосы, прядку за прядкой. Посмотрела в зеркало. Карие глаза, темные ресницы. Взгляд уставший и какой-то потухший. Глаза – как у голодной собаки. К своей внешности я относилась с большой степенью недовольства. Глаза – чересчур маленькие, лоб – слишком высокий, губы – уж больно полные. Ноги коротковаты, грудь маловата, живот мягковат... Перечислять недостатки можно до бесконечности.

Мне было четырнадцать лет, но выглядела я младше. Вот только по глазам – старше. Прямые волосы до плеч. Цвет такой же, как в детстве. Цвет мокрой пыли. Правда, их длина не такая, как раньше. В детстве я носила короткое каре. Или стриглась «под мальчика».

День обещал быть тяжелым. Я собиралась ехать к бабушке. Мама с дядей Костей должны были уехать куда-то на выходные, и до бабушки мне предстояло добираться своим ходом. Я долго отказывалась, но бабушка уж очень просила меня приехать.

Все последние дни в моей голове крутились неприятные мысли. Я пыталась прогнать их, но у меня не получалось. Мысли о том, что я могу случайно натолкнуться на Стаса, не покидали меня.

Полдня я шаталась по дому привидением. А потом стала собирать вещи. Я делала это медленно, пытаюсь отсрочить момент отъезда как можно дольше. Но вещей было не так много – я уезжала всего на выходные. Вскоре рюкзак был собран. Я ехала на электричке. Натянула капюшон – я всегда так делала, когда хотела прислониться головой к стеклу в общественном транспорте, чтобы не подцепить вшей. Но в этот раз я накинула капюшон и по другой причине. Мне казалось, что в этой электричке едут враги. И они могут узнать меня в любой момент.

Я сошла с электрички и пошла через лесопосадку – здесь обычно было меньше народу. Я подошла к дому бабушки с другой стороны. Со стороны леса, а не города. Быстро открыла калитку и прошмыгнула внутрь. Задвинула засов. Прислонилась спиной к калитке. И только тогда смогла выдохнуть от облегчения. Я в безопасности.

Прошло столько времени... Почему мысли о том Судном дне не покидают меня? Я разозлилась на себя, почему я веду себя так, как будто вокруг идет война. Может быть, тот мальчик из детства даже не помнит меня... Плохое забывается. Он должен был забыть о том страшном дне. И о моем предательстве. И было бы лучше, если бы он совсем забыл меня.

А я не могла забыть его. И тот день. И то, как я стыдливо сбежала, бросив его, и залезла

под одеяло, пока мучители били его палками. И я не могу забыть Умку. Я очень много думала о ней. Не могла поверить, что Стас сделал это... Умка была не только моим другом. Она была его другом тоже.

Бабушка стояла на пороге, улыбаясь во всю свою вставную челюсть. Она очень любила, когда я приезжала, несмотря на то что с ее работой – выпечка тортов, пирожков, булочек для праздников – скучать ей совсем не приходилось.

– Томочка! – приветливо воскликнула бабушка. – Как ты поживаешь? Как мама с дядей Костей? Ты не приезжала ко мне так долго. – Бабушка укоризненно качала головой.

Я вошла в дом и повесила куртку на крючок. Крючки были смешные, в виде собачьих попок с хвостиками. Сейчас подобные крючки продаются повсюду, разноцветные пластмассовые крючки-попки можно видеть в каждом хозяйственном магазине. Но эти сделаны из дерева и металла, их вырезал еще дедушка много лет назад, и для всех это было диковинкой. Все, приходя в дом, смеялись до колик и просили дедушку вырезать такие же. Дедушка дарил такие крючки многим, и – кто знает? – может, кто-то и «слизал» дедушкину идею и всерьез занялся производством таких крючков.

Я разувалась и в процессе развязывания шнурков на первом ботинке рассказывала бабушке новости. Собственно говоря, рассказывать было нечего. Все как обычно. Второй я развязывала в полном молчании. Говорила уже бабушка, которую понесло в бесконечные истории о клиентах.

У бабушки было много постоянных заказчиков. Кто заказал хоть раз торт на день рождения, тот и потом что-то заказывал уже на другие мероприятия и торжества. Цены у бабушки были очень демократичными, а качество на высшем уровне, поэтому недостатка в клиентах она не испытывала. Цены поднимать она не хотела – на жизнь хватает, а работа приносит ей удовольствие.

Я слушала ее вполуха. Мне не было дела до чужих праздников, чужих жизней и сплетен.

Я вошла на кухню. Интерьер всего дома был очень простой, но кухня – кухня была шикарная. Просторное помещение оборудовано всеми современными технологическими новинками, и сама кухонная мебель красивая – глянцевая, нежно-розовая. Столовая выведена отдельной комнатой, и по красоте она не уступала кухне. Здесь бабушка принимала заказчиков. Обычно на столе у нее лежало много всего – коржи, баночки с разноцветными сахарными сердечками, звездочками, кружочками, вазочки с марципановыми цветочками. Но сейчас стол был пустой. Видно, у бабушки сегодня выходной.

Какое-то время мне пришлось сидеть на кухне и слушать бабушкины истории. Но меня спас счастливый случай: ей кто-то позвонил по телефону, и, воспользовавшись этим, я быстро ускользнула в свою комнату. Разобрала сумку, переделалась в домашнюю одежду. Собрала волосы в хвост.

Снова прошла на кухню, открыла холодильник – чего бы перекусить?

– Тома, я сейчас котлетки пожарю! – раздался голос бабушки. Она больше не разговаривала по телефону. Я улыбнулась. Обожаю бабушку. С ней самой не приходится делать абсолютно ничего – она сама все приготовит и еще в рот положит. Разве только жевать приходится самой. Дома ситуация другая. Родные постоянно пропадают на работе, и готовить приходится мне на нас троих.

Вскоре передо мной стояли две тарелки. Одна с аппетитно пахнущими пухлыми котлетками и вторая – с салатом из огурцов. Я запивала все это томатным соком.

– Расскажи мне что-нибудь! – попросила бабушка. – Как ты там живешь? С кем

дружишь?

Я застонала про себя – я же все рассказала, пока шнурки развязывала.

– Ну, у меня там есть друзья, – сказала я. Хотя назвать их друзьями тяжело. – Мы ходим вместе в парк, в кино... На роликах катаемся. – На роликах с одноклассниками мы катались всего один раз. И в кино ходили один раз. И то из-за того, что отменили три урока в середине учебного дня, нужно было чем-то себя занять. А в парк мы не ходили ни разу.

– Это хорошо, что есть друзья, – кивнула бабушка. – Друзья – самое главное в жизни. Чем старше ты становишься, тем тяжелее найти новых друзей. В школе легче всего заводить знакомства.

«Ну, я бы так не сказала...» – невольно подумала я.

– А я тут вчера видела мальчика, ну, помнишь, ты играла с ним в детстве. – Вилка выпала у меня из руки. Я полезла под стол доставать ее.

Подошла к раковине и стала ее мыть. Вилка снова выскользнула из рук – на этот раз она упала в раковину.

– И что? – тихо спросила я. Раньше бабушка никогда не заводила разговор о Стасе. – Как он?

– Ох, какой красивый мальчик стал... Такой красивый, не описать словами... Жалко, что хулиганит много. Но все они в этом возрасте такие.

– Хулиганит? – переспросила я.

– Да, встретила его маму. Говорит, сил с ним нету никаких. В школе жалуются на него, все время родителей вызывают. Говорят, обижает других ребят.

Я вздохнула. Дашка писала то же самое.

– А он поздоровался с тобой? – спросила я. Мне было интересно... Здоровается ли он с моей бабушкой? Если да, то значит, что он помнит меня... Я прикусила губу... вспомнила Умку.

– Поздоровался, а как же? Он всегда здоровается. Улыбается мне. Ох, какой же красивый парень... Вчера идет, рубашка расстегнута... Какие плечи, какая фигура... – и мечтательно добавила: – Эх... Была бы я лет на шестьдесят моложе... – бабушка кокетливо засмеялась и сказала: – Эх, Тамарка, уведут парня... Я вижу, что он то с одной девочкой ходит, то с другой. У тебя преимущество есть – вы все-таки вместе столько лет дружили... и чего разошлись? Гуляли бы сейчас вместе под ручку да под березкой бы на лавочке сидели.

Вместе? Нет! Ни за что! Мне даже представить такое стыдно и противно. Он никогда не простит мне того, что я сделала. А я никогда не прощу ему смерть Умки. Только дьявол способен на такое. Бабушка подкинула мне ценную информацию – раз она здоровается с ним, значит, они пересекаются. Мне нужно быть осторожней, когда я буду уезжать.

После ужина я помыла посуду, потом мы с бабушкой вместе посмотрели какую-то передачу, и я ушла к себе в комнату.

Я открыла окно и вылезла на крышу терраски. Крыша была мокрая – недавно шел дождь. Мои тканевые тапочки миглом промокли. Было довольно зябко – на дворе поздний вечер, солнце уже давно скрылось. От холода по телу пробежала дрожь. Обхватив себя руками, я долго смотрела на звездное небо – оно было удивительно ясным, значит, завтра будет хорошая погода. Я старалась ни о чем не думать.

Просто не пускала в голову мысли, которым там не место. Когда зубы стали отбивать барабанную дробь, а ладони превратились в две ледышки, я перелезла через окно обратно в комнату.

Я осталась у бабушки на три дня. Первые два дня прошли спокойно. Мне не нужно было выходить из дома. Мне хотелось увидеться с Дашкой – но подруга укатила на море с родителями.

На третий день случилась неприятность. Бабушка заставила меня выйти из дома.

– Томочка, сходишь на почту? Мне нужно посылку отправить тете Маше, здесь кое-какие ее вещи остались, ей они очень нужны, а сама она не может приехать... Вот, решили мы с ней почтой отправить. А я вся в делах... Тут недалеко, на соседней улице... Ну, ты, наверное, помнишь...

Я схватилась за прядку волос и стала завязывать ее в узел. Прямо напротив почты располагался тот самый магазин, где мы со Стасом в детстве покупали разные вкусняшки...

– Хорошо, я схожу, – вздохнула я.

Я натянула джинсы и серую толстовку. Погода в середине лета выдалась довольно прохладной. Я натянула капюшон низко на голову и вышла за калитку. Чтобы уменьшить вероятность встречи с врагами, я пошла через пустырь и вышла к зданию почты с другой стороны. Только хотела уже толкнуть дверь, как увидела объявление на двери. Почта закрыта на ремонт. И даны адреса ближайших почтовых отделений. Я застонала – они все были далеко. Но делать нечего, придется идти. Я шла по самому краю дороги, пробираясь чуть ли не по кустам, чтобы сделаться более незаметной. Через двадцать минут дошла до почты, быстро открыла дверь, вошла внутрь и выдохнула от облегчения. Я немного боялась открытых пространств, где была на виду. Куда безопаснее находиться в четырех стенах.

Я провела на почте полдня. Сначала отстояла огромную очередь, затем долго заполняла бланк – переписывала его несколько раз из-за ошибок, – а потом мою посылку оформляли, кажется, целую вечность.

Наконец я вышла из здания. Снова почувствовала себя неудобно. Я пошла другой дорогой – в обход. Эта дорога была менее людной.

Начался дождь. Колючий, холодный. Дождь становился все сильнее и сильнее. Моя толстовка вскоре промокла. Я шла по дороге, черпая кроссовками лужи. Вдруг за спиной послышался шум мотора. Мимо, обдав меня сырым ветром, на квадроцикле пронесся парень. По телу пробежала волна электричества. Ноги подкосились. Я не видела лица парня, но каждой клеточкой своего тела почувствовала рядом Его присутствие.

Стас. Он не видел меня.

Я не помню, как добралась до дома. Вбежала в свою комнату, меня распирало от любопытства. Несмотря на то что Дашка была в роуминге, я написала ей. Спросила: есть ли у Стаса квадроцикл? Она ответила, что есть. Отец ему подарил, чтобы хоть чем-то заинтересовать и отвлечь от его жутких увлечений.

Этим же вечером, к большому огорчению бабушки, я уехала обратно, в такую далекую и безопасную Москву.

На станции я забила в самый дальний угол. Когда подошла электричка, я быстро вошла внутрь. И выдохнула от облегчения.

Дома меня встретили хмурые мама с дядей Костей. Я испугалась – неужели я что-то натворила? Стала напряженно думать, но так и не вспомнила ничего, чем могла бы вызвать их недовольство.

– Томочка, – смущенно сказала мама. – Нам с дядей Костей надо с тобой серьезно поговорить.

Ох, как я не любила подобное начало разговора... По их смущенным улыбкам и

бегающему взгляду я поняла, что в этот раз накосячили они, а не я. Они что-то натворили и не знали, как мне об этом сказать.

Мы сели за кухонный стол.

– Тома, – начала мама свой странный разговор, – ты же знаешь, в нашей семье последнее время трудно с деньгами.

Я кивнула.

– Дядя Костя хорошо зарабатывает, только работая по контрактам...

Я снова кивнула. Он часто уезжал в командировки. Обычно командировки были частыми, но недолгими – он уезжал на несколько дней. Я не понимала, к чему мама клонит.

– Дочка, ты же знаешь, я устроилась на новую работу... Работа аудитора – это вечные проверки, вечные командировки... Порой меня не бывает дома семь дней в неделю.

Я насторожилась, начиная улавливать, к чему она клонит.

– Ты находишься дома совсем одна, а это не годится. Я вся на нервах на работе – как ты там одна?

– Но я уже не маленькая! – стала спорить я. – Мне четырнадцать! Я сама могу о себе позаботиться!

Но мама только качала головой и продолжала:

– И мы с Костей решили, что тебе будет лучше снова переехать к бабушке и вернуться в свою старую школу.

Внутри у меня все похолодело. Вернуться в школу? В мою старую школу? В той школе учился человек, который желал мне смерти.

– Нет! Я не перееду туда! – горячо кричала я, нервно ходя по кухне. – Я уже взрослая! Я могу сама за собой присмотреть! Мне не нужна бабушкина забота!

– С бабушкой тебе будет лучше, – настаивала мама. – За тобой должен присматривать кто-то из взрослых, я не допущу, чтобы ты жила одна круглые сутки.

– Но что? Что я сделаю? – отчаянно спросила я. – Подожду квартиру? Напущу полный дом наркоманов?

– Конечно, нет, – поспешно ответила мама. – Мы так не думаем. Но все равно. Ты должна быть под присмотром. Это не обсуждается.

Я тяжело опустилась на стул. Я была послушной девочкой. Я не умела спорить с мамой.

Что же они делали со мной? Разрушали мою жизнь, вот что.

Я уступила. Но дальше возник спор по поводу школы. Я категорически отказывалась возвращаться в свою старую школу, и несколько недель мы с мамой обходили другие учреждения в городе. Возникла большая беда – в округе всего три школы, и в двух из них девятые классы переполнены. Были места в школе в соседнем городе – но там классы простые, а не гимназические. Я была согласна на это, но маме шепнул кто-то из учителей, что простой класс в той школе равняется классу коррекции, и мама впала в ужас.

У меня не было выхода. Мне пришлось возвращаться в свою прошлую жизнь.

Первое сентября. Я проснулась за полчаса до будильника. Когда я открыла глаза, сон как рукой сняло. Долго плескала на лицо водой. Руки немного дрожали. Бабушка уже встала и делала на кухне очередной торт. Белый, с сахарными фигурками лебедей на верхушке – я знала это, потому что она показывала вчера эскиз. Пока что для торта были готовы только бисквитные коржи.

– Доброе утро, ба, – поздоровалась я.

– Доброе утро, Томочка! Как спалось? Нервничаешь? Первое сентября... Новая школа...

– Немного страшно, – честно призналась я. Я помыла турку, налила воду и поставила ее на огонь.

– Не переживай! Все пройдет хорошо. Ты же уже училась в этой школе, тебе все должно быть знакомо... А ребята, я уверена, тебя примут, и ты быстро со всеми подружишься.

Я рассматривала причудливые абстрактные узоры на турке. Узоры напоминали мне кошачьи мордочки. Я не стала делиться с бабушкой своими опасениями по поводу того, примут ли меня ребята... Вода закипела. Я засыпала ложку кофе, подождала, пока пена поднимется, и сняла турку с плиты. Налила кофе, добавила молока. Села за дальний угол стола, чтобы не мешать бабушке. Она возилась со всякими мисочками. Я грела о чашку ледяные руки. Холодно. Почему так холодно? Вот-вот начнут стучать зубы.

– Съешь творожок, он в холодильнике, – сказала бабушка.

– Не хочется, – ответила я. Мысль о еде вызывала тошноту. – Где дедушка?

– Уже укатил на работу.

Дедушка обычно добирался до работы на велосипеде.

Бабушка стала напевать под нос какую-то мелодию. Пахло сладкой выпечкой, но если обычно этот запах вызывал аппетит, то сейчас от него тошнило.

Я сполоснула чашку. Пошла в ванную мыть волосы. Долго сушила их феном, вытягивая расческой, чтобы сделать более гладкими.

Посмотрела в зеркало. Вроде бы прямые, только на концах немного вились.

Я взяла из комнаты белую рубашку и черные брюки, спустилась вниз гладить. Погладила только рубашку, на брюки просто прыснула водой и разгладила руками. Оделась. Посмотрела в зеркало – выглядела как мальчишка. Рубашка длинная, свободная. Брюки строгие, зауженные снизу. Густо подвела глаза черной подводкой. Вот так лучше. Так я хотя бы стала похожей на девчонку.

Грубые черные ботинки на шнурках, черная куртка из кожзама и кожаный рюкзак завершили образ. Как же не хотелось выходить из дома!.. Прежде чем открыть дверь, я немного постояла, собираясь с духом. Это тяжело – сделать первый шаг... в логово хищнику. Добровольно идти на смерть.

«Слався, Цезарь, идущие на смерть приветствует тебя», – почему-то вспомнились мне слова гладиаторов. «Ave, Caesar, morituri te salutant». Хм... в московской школе я учила латынь, но не помню, чтобы мы проходили эту фразу.

Я попрощалась с бабушкой, услышала в ответ пожелание удачи и открыла дверь. На улице светило солнце, но было довольно прохладно. Хорошо, что я надела куртку. Прежде чем выйти за калитку, я осмотрелась по сторонам – не было никакого желания сталкиваться со Стасом нос к носу. На улице никого – путь свободен.

Я шла своей старой дорогой. Я помнила здесь все: что сейчас справа за углом увижу огород, из которого каждое утро доносились крики петуха, слева будет стоять сломанный грузовик, а прямо за ним я увижу две влюбленные березы, ветви которых причудливо переплелись друг с другом.

Воспоминания всплыли в голове так отчетливо, как будто я никуда и не уезжала на три года. Ничего не изменилось. Грузовик по-прежнему стоял на своем месте, и березы никто не спилил. Их ветви стали переплетаться еще теснее.

Я подошла к воротам школы. Все приятные чувства вмиг испарились, уступив место страху и отчаянию. Я смотрела на трехэтажное кирпичное здание. Моя школа. Сколько я пручилась в ней? Пять лет? Она совсем не изменилась. Как будто я была здесь вчера.

На территории школы собралось уже довольно много народу. Я отошла подальше от ворот и спряталась за гаражи. Мне нужно было дождаться Дашку. Она обещала прийти в половину, но уже без двадцати.

Через несколько минут я увидела знакомый серый «форд» – машина Дашкиного отца. Как-то он подвозил подругу ко мне, поэтому мне запомнилась эта машина. Она остановилась у ворот. Дашка вышла. Длинные стройные ноги, черные туфли на шпильках, облегающая черная юбка и короткая кожаная куртка. Длинные волосы тщательно расчесаны, гладкие, блестящие, волосок к волоску.

Я вышла из своего укрытия.

– Тамаська! – закричала Дашка и кинулась обнимать меня. На каблуках она была на целую голову выше меня.

– Тш-ш-ш, – шикнула я, пытаюсь высунуть нос из могучей Дашкиной груди. – Пойдем внутрь. Не хочется торчать у ворот у всех на виду.

Мы зашли на территорию. Дашка подвела меня к нашему классу. Некоторых я узнала сразу, некоторых нет. Из колонок доносилась песня «Учат в школе».

– О, смотрите, это Томка! – ко мне подошла Светка. Светка в начальной школе была старостой класса. Она изменилась: всегда в школе была пухляшкой, а сейчас стала худой как скелетина. Но я узнала ее без труда. Те же желтые волосы, та же улыбка и курносый нос.

Ко мне повернулись с десятков голов.

– Всем привет, – растерянно улыбнулась я и помахала рукой. Ребята наперебой закричали:

– О, это Томка!

– Томка, привет!

– Ты чего такая мелкая, все не растешь? Ешь «Растишку» и морковку!

– Морковку люблю, а вот творог терпеть не могу, – засмеялась я.

Я расслабилась, волнение прошло. Мне было безумно приятно, что они помнят меня. И что рады моему появлению.

Музыка стихла. Началась торжественная линейка. На крыльцо вышли несколько учеников и учителей. Директор в микрофон поздравил всех с наступившим учебным годом.

– До свидания, лето! Здравствуй, родная школа! Настала долгожданная школьная пора. С праздником, дорогие ребята, уважаемые учителя, мамы и папы! С Днем знаний! С новыми надеждами и успехами!

Он передал микрофон старшекласснику.

– Школа, внимание! – медленно и четко произнес он. – Для вноса государственного флага Российской Федерации, флага области и нашего города стоять смирно! Внести флаги!

Заиграл торжественный марш.

Трое ребят-старшекласников торжественно выносили флаги. У меня закружилась голова. Среди них шел Стас. Дорогой черный костюм, белая рубашка. Пиджак облегал его фигуру, подчеркивая широкие плечи и узкую талию. Светлые вьющиеся волосы слегка растрепаны, в ярко-голубых глазах – гордость, уверенность, власть. Белоснежная улыбка ослепляла. Он очень изменился.

Я спряталась за какого-то высокого мальчика, чтобы меня не было видно в толпе. Хотя уверена, он уже знает о том, что я переехала сюда и снова пришла в старую школу. Бабушка наверняка сказала тете Тане из соседнего дома. А тетя Таня для всех соседей – что-то типа радиостанции. Сарафанное радио.

Я смотрела на Стаса. Я испытывала к нему страх, но не ненависть. Интересно, какой будет наша встреча? Что он скажет мне? Помнит ли он меня? А может быть, он все забыл? Стоит ли мне опасаться его? Сможет ли он причинить мне боль? Я не знала ответов. А вопросов было много.

После торжественной части нас повели в кабинеты. Классная руководительница, низенькая и полная физичка Инна Александровна, поставила меня перед всем классом.

– Дети! Какая хорошая новость! Тамарочка Мицкевич снова переехала к нам!

По классу пробежал гул одобрения. Я улыбнулась. Никаких перешептываний и любопытных взглядов и тычков. У меня появилась возможность начать школьную жизнь с чистого листа.

Классная стала говорить что-то о новых школьных правилах, о расписании и распорядках.

Через некоторое время нас отпустили.

– Погнали в Толькин двор отмечать! – крикнул на весь класс Егор Опанасюк, высоченный парень со смешными ушами, торчащими как спутниковые антенны. Я помнила Егора. В начальной школе мы дружили. Если можно назвать дружбой плевание друг в друга ягодами из компота. Он состоял в компании Стаса. Интересно, он до сих пор с ним? Если так, то надо держаться от него подальше.

– Так! – взревела Инна Александровна, – Опанасюк!!! Чтобы никаких «отмечать»!

– Понял, понял! – Егор развел руками. – Все по домам, по стакану молока, печеньке и баиньки!!

– Вы до инфаркта меня доведете, – ворчала учительница. Мы вышли из класса. Я с опаской посмотрела по сторонам – никого.

– Дашка, Том, вы идете? – спросил подошедший к нам Егор. Я смотрела на Егора. Мне хотелось, чтобы он сказал что-нибудь.

Хотя бы то, что он помнит меня. Но он смотрел и будто не узнавал.

– Куда ж вы без нас, – Дашка кокетливо встряхнула волосы, потом взглянула на меня. – Тамась, идем?

– Идем, – кивнула я.

– Цапля, ты куда пошел? – заорал Егор, видя, как какой-то паренек пытается сбежать. – С нами пойдешь!

– Я не могу, у меня бабушка...

– Бабушки в такое время смотрят «Битву экстрасенсов». Им не до внуков. Погнали, Цапля!

Цапля смущенно топтался на месте. Я не узнавала его. Крепкий низкорослый парнишка

с пухлыми щеками. Очевидно, он пришел в класс после моего ухода. Он смотрел испуганно и как-то затравленно. Я удивилась. Чего он боится?

– Это, кстати, Рома, – представил мне его Егор. Рому я видела впервые. Я с любопытством смотрела на этого коренастого паренька с коротким ежиком на голове, даже не подозревая о том, что скоро этот мальчик станет моим другом. И братом по несчастьям.

И Рома согласился. Мы пошли в Толин двор – я, Дашка, Егор, Рома и еще ребята, всего нас было около десяти человек.

Толин двор оказался ближайшим двором к школе. Я пока что не знала, кто такой Толя. Тут же был магазин.

– Так... – Егор критически осмотрел всех. – Кастинг на покупателей бухла объявляется открытым. Чур, я жюри. Так, Вован, ты самый высокий, кастинг ты прошел успешно. Дашка, выходи вперед, у тебя самые большие сиськи.

Дашка подошла к Вове. Я пошла за ней, но Егор остановил:

– Томас, стоять на месте, с твоим ростом и детской рожей тебе даже пряник не продадут.

Я поджала губы. Все засмеялись.

– Рома, выходи вперед, – продолжил Егор. – У тебя плечи – два метра вширь, точно прокатит. Лан, хватит.

– Эй, я тоже пойду! – завозмушалась Светка.

– Ну, уж нет! – покачал головой Егор, – ты нам все испортишь. Нету сисек – нету тебе доверия старшины-продавщицы. Итак. Заказывайте, кому что. И скидывайте бабосы.

– Мне тоже, что и себе, – сказала я Дашке, протягивая деньги. Мама оставила мне не слишком много – она не очень-то балует деньгами, но вот от бабушки и дедушки частенько перепадает.

Ребята вернулись, гремя бутылками в черных пакетиках. Дашка протянула мне «Редс».

– Я нам по три взяла, – сказала она и отдала сдачу. – И еще сухарики. И кальмары.

Мы расселись на лавочке. Все не поместились. Егор заботливо уступил Дашке место.

Я бросила на траву рюкзак и села на него.

– Томас, ты можешь косить под пацана, – Егор натянул на меня капюшон. – Вот так вообще похожа на мальчика. Ну, на очень хорошенького мальчика. У тебя рожа – унисекс.

– Знаю, – усмехнулась я.

– Не обижай мою Тамаську! – оскорбилась Дашка. – И ничего она не похожа на пацана.

– А вот и похожа, – начал спорить Егор.

– А вот и нет.

Вдалеке послышались чьи-то шаги и голоса. Кто-то приближался к нам. Подул ветер. Запахло врагом. Я почувствовала его. Не видела, кто шел, но знала, что он среди них. Я сжалась, низко опустила голову. Я в капюшоне, он не узнает меня. Я прижала бутылку к груди – как будто она могла мне помочь.

Ребята посмотрели в сторону идущих. Их лица стали серьезными. Ромка вскочил с места.

– Сиди ты, – Егор положил ему руку на плечо и с силой усадил обратно, – они не тронут тебя.

Лицо Ромки стало очень бледным. Он явно боялся. Егор с опаской посмотрел на меня и тут же отвел взгляд в сторону. Мне не понравилось, как он на меня посмотрел.

Со спины подошли люди.

– Здорово всем, – сверху надо мной послышался голос. Не понадобилось и секунды на то, чтобы понять, кому принадлежит этот голос. Низкий, чуть с хрипотцой. Я попыталась уменьшиться и врасти в траву.

– Здорово. – Егор протянул руку.

Я не видела тех, кто стоит за спиной. И не хотела видеть. Судя по разговору, их было человек пять-семь.

– О, Дынька, и ты здесь?

К Дашке подошел парень. Я видела его со спины. Сногсшибательный черный костюм, светлые вьющиеся волосы. Он потрепал Дашку за щеки.

– У меня имя есть, – огрызнулась она и шлепнула его по рукам.

– Дашка-Дынька, какая разница? Как поживают твои дыньки? – Он ущипнул ее за грудь.

– Дурак, – взвизгнула она и двинула его кулачком. Он противно хохотнул.

Все затихли. Атмосфера стояла немного напряженная. Стас подошел к Ромке.

– О, моя шляпа, ты тоже здесь! Отъел щеки за лето, а? – Он грубо ущипнул Ромку за щеку. Ромка сжался и закрылся руками.

– Моя жирная шляпа, – издевательски произнес Стас и погладил Ромку по голове. Потом повернулся к Егору. – Егорыч, погнали к Ваську на дачу, а? Чего ты тут торчишь с этими детишками? Хватай Дашку и дуйте к нам. У нас там круто будет.

Стас все еще стоял ко мне спиной.

– Да не, я пас, – ответил Егор.

– Дынька? Погнали на дачу? – Стас ущипнул Дашку за коленку.

– Да никогда в жизни, – кокетливо ответила Дашка.

– Ну, как хотите, – Стас сделал шаг назад и... споткнулся об меня. Перелетел через меня и упал на траву. Я вжала плечи.

– Твою ж мать! – выругался он. – И что у нас тут за грибок? Он сел передо мной на корточки.

Я увидела его лицо. Лицо монстра. Огромные голубые глаза. Прозрачные, холодные. Уголки век чуть вздернуты вверх. Полные губы плотно сжаты. Он сидел, повернувшись ко мне полубоком. Я видела левое ухо. Правое, со шрамом и татуировкой, было скрыто.

– Опа! Это не грибок, – он растянул губы в улыбке, обнажив ряд белоснежных крупных зубов. Я не понимала, узнал он меня или нет. – Это человечек. Кто ты, гномик? Мальчик или девочка?

Я молчала.

– Отвечай, когда старшие с тобой разговаривают. А то злобный дядя сделает тебе больно. Очень больно, – последние слова он прошипел.

Я задрожала.

– Девочка, – пискнула я.

– Стас, не пугай народ, а? – устало сказал Егор.

– Отвали, – он грубо отмахнулся. Протянул ко мне руки и осторожно снял капюшон. – Вот, теперь я вижу, что девочка.

Он пристально смотрел мне в глаза.

«Я знаю тебя. Я помню, что ты сделала. И я не простил. И никогда не прощу», – вот что говорил мне его взгляд.

– Ты что, новенькая? – спросил он.

«Зачем? Зачем ты ведешь эту игру? – отвечала я взглядом. – Мы оба знаем, что ты все

помнишь. Зачем ты мучаешь меня?»

– Да.

– Как тебя зовут?

«Ты помнишь. Ты же все помнишь».

– Тома.

– Та-ма-ра, – пропел он по слогам и улыбнулся. – Что ж, буду иметь в виду. Рад познакомиться, Та-ма-ра, – он протянул руку. Я неуверенно протянула в ответ свою. Он взял мою ладонь и сжал. Сжал так сильно, что мне стало больно. Я попыталась выдернуть, но не смогла. Он продолжал с силой сдавливать руку. Мне казалось, что я уже слышу треск костей.

«Я помню. Я знаю. Я не простил. Это только начало. Добро пожаловать в ад», – вот что говорила мне его акулья улыбка.

Он отпустил меня. Никто не заметил, что между нами произошло. Никто, кроме Егора. Он подошел к Стасу и потряс его за плечо.

– Стас, не пугай новенькую. Ладно, мы все закаленные к твоим шуточкам, но она пока свежачок.

Стас нехотя поднялся на ноги.

– Ладно, парни, оставляем детишек и валим на взрослую тусовку.

Они ушли. Я потирала ладонь, пальцы тряслись, костяшки покраснели.

– Что, Ромка, в штаны наложил? – весело спросил Егор. Ромка покачал головой. Он все еще был бледным.

Постепенно дружеская атмосфера, угасшая в результате появления Стаса и компании, стала восстанавливаться.

Ребята начали болтать о чем-то. Смеялись, что-то кричали. Дашка носилась за Егором вокруг лавочки. Светка смочила волосы Ромки пивом и делала ему ирокез. Ромка улыбался.

Я снова надела капюшон и легла на траву.

Вот и прошла первая встреча со Стасом, которой я так боялась. Прошла не слишком удачно. Надежда на то, что он все забыл и мы снова можем стать друзьями, рассыпалась в пыль и разлетелась по ветру.

Я стала думать о Ромке. Ромка... Видно, про этого мальчика говорила Дашка. Новенький. Любимая игрушка Стаса. Надо присмотреться к нему получше. Мы все-таки в одной лодке.

Через некоторое время кто-то сел рядом со мной. Я повернула голову и увидела Егора.

– Хочешь что-то спросить? – обратился он ко мне.

– Нет, – соврала я. Егор хмыкнул.

– Врешь. Ладно, постараюсь сам угадать вопросы, которые сейчас вертятся в твоей голове. С чего начать историю? Наверно, с того дня, когда мы прогнали тебя из отряда.

– Ты кидал камни? – Я посмотрела ему в глаза.

– Что? – не понял он.

– Камни. В меня летели камни. Ты кидал?

– Кидал, – виновато ответил он. – Но, понимаешь, я не мог не кидать... И с тех пор столько воды утекло, что...

– Тебе не нужно оправдываться. Мне просто нужно было знать, кидал или нет, – ответила я. Я не винила Егора. В тот момент... невозможно было не кинуть. Приказ командира. Тебя изгонят из отряда, если ты не выполнишь приказ командира. А в том возрасте мы все очень сильно держались за членство в боевом отряде.

Егор немного помолчал, прежде чем продолжить свой рассказ.

– Я недолго пробыл с ними. Ушел из отряда сам, после того, как Стас... Стал приказывать нам делать... Разные вещи, которыми обычно не гордятся. Я не выдержал и ушел. Но это не испортило нашей со Стасом дружбы. Я иногда прихожу к ним в компанию, они принимают меня как своего. Но я больше не чувствую себя частью команды. Ты можешь не бояться меня. Я единственный из них, кого тебе не следует бояться.

– А остальных – стоит? – судорожно сплотнула я.

– Да, – тихо сказал Егор. – Стас... Он сильно изменился. Он больше не тот мальчик, которого мы все помним. Он стал совсем другой. Тебе надо держаться от него подальше. Зря ты приехала, тебе здесь придется несладко. Я постараюсь тебе помочь, но... Сколько я ни пытался помочь вам... Всем вам... – он посмотрел на Ромку, потом на меня. Покачал головой. – Я не могу бороться один. Один я ничто. Я могу просто пожелать тебе удачи и дать совет – держись от Стаса подальше. Ты не представляешь, на что он способен.

Я вздохнула. Кому, как не мне, знать это.

Егор встал и пошел к ребятам. Я лежала на траве. Смотрела на пролетающий в небе самолет. Вот и все. Добро пожаловать в ад. Как же далеко теперь была от меня моя безопасная и уютная Москва... Я вспомнила взгляд Стаса. Его глаза. Холодные, жуткие. Я поежилась.

«Я помню. Я знаю. Я не простила. Это – только начало...»

Глава 15

Я вышла из дома, с опаской оглядываясь по сторонам. Первый учебный день (день знаний я не считала учебным) начался с истории. По дороге в кабинет я не встретила Стаса. Мы с Дашкой заняли четвертую парту среднего ряда. Моя подруга снова надела вчерашнюю сногшибательную мини-юбку. В класс вошла наша учительница Ольга Константиновна, обладательница асимметричного каре и громкого, звенящего голоса. Раньше она у нас ничего не вела, но почему-то я ее запомнила.

– Привет, дети, просыпаемся, просыпаемся! Лето прошло, надеюсь, вы все хорошо отдохнули. Открываем книжечки... Так... По плану у нас... Государство и российское общество в конце XIX – начале XX веков. Введем в нашу программу небольшие изменения. Так как по какой-то странной причуде министерства уже к концу сентября надо сдать рефераты про Великую революцию 1917 года, но первые несколько параграфов про политику Николая Второго вы сейчас быстренько самостоятельно изучите, вплоть до Русско-японской войны, и перейдем к реформам...

Я стала читать учебник. Дашка запрыгала на стуле, двигаясь ко мне поближе.

– Ты сильно расстроена? – спросила она меня шепотом.

В этот момент я читала про партию социалистов-революционеров и не поняла, о чем она спрашивает.

– Да нет... Николай Второй, конечно, не самый любимый мой царь, пункты про него плохо запоминаются, а во всех этих партиях, революциях и политических терках приходится запоминать кучу фамилий, но бывали параграфы и похуже...

– Да я ж не об этом! Я о том, что тебе приходится учиться в одной школе вместе со Стасом.

– Ах, ты об этом. Я не расстроена. Я в ужасе. Дашка посмотрела на меня с жалостью.

– Не переживай! Мы что-нибудь придумаем, – ободряюще сказала она мне, толкнув меня плечом. – Мы ему покажем! Я же не дам тебя в обиду!

– Да? И что же ты сделаешь? Зафлиртуешь его до смерти? – немного резко ответила я, вспомнив, как вчера она кокетничала с ним на лавочке, когда он ее лапал. Дашка обиделась и запрыгала от меня к проходу. Мне стало стыдно за свои слова. Она же не мой охранник. Не боец. У нее нет черного пояса по карате. Она – моя подруга и всего лишь девчонка.

– Ладно, сама разберусь. Это только моя проблема, так что не бери в голову, – сказала я.

Дашка снова запрыгала ко мне. И всю оставшуюся часть урока она рисовала в моей тетради сердечки и цветочки.

[Купить полную версию книги](#)